

Коренные знания Арктики: концепция Стивена Бокинга

Копцева Наталья Петровна¹

nkoptseva@sfu-kras.ru

Аннотация

В статье раскрываются проблемы ремоделирования истории коренных знаний Арктики. Используя аргументы, связанные с историей западной науки, с формами и способами получения знаний о территориях традиционного проживания коренных народов канадской Арктики, профессор Стивен Бокинг полагает, что наступило время признать «мудрость» коренных народов еще одной формой знания, наряду с наукой. Полагая, что это серьезный вызов современной науке, С. Бокинг указывает, что западная наука является продуктом конкретных политических и социально-исторических факторов, имеющих выступающих своеобразными ограничителями этой формы знания. «Мудрость» коренных народов Арктики представляет собой альтернативную онтологию, где взаимоотношения людей и других живых видов моделируются изначально в этических и экологических контекстах. Одновременно история западной науки демонстрирует постоянное взаимодействие «мудрости» коренных народов Арктики и современных научных знаний. Встречаясь на эпистемологической границе, эти две формы знаний – наука и «мудрость» – оказываются в динамичном взаимоотношении, где границы между ними проницаемы и подвижны. Стивен Бокинг называет это значимым «вызовом» современной науке, которая должна признать свою «зависимость» от политических и иных факторов. Одновременно он раскрывает основные принципы новой истории науки об Арктике, где коренные знания сами по себе и в контексте их передачи ученым, должны получить достойное место. Представляется, что данная концепция может быть востребована при создании научных моделей коренных знаний, где они используются для повышения качества жизни на северных и арктических территориях, в том числе, в сферах здравоохранения и продовольственной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: коренные народы, локальные знания, антропология, Арктика, коренные знания

¹ Сибирский федеральный университет

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Ссылка для цитирования: Копцева Н.П. Коренные знания Арктики: концепция Стивена Бокинга / Н. П. Копцева // Азия, Америка и Африка: история и современность. – 2025. – Т. 4. – № 2. – С. 0-00. – EDN: LSZXYZ

Indigenous Arctic Knowledge: Stephen Bocking's Concept

Koptseva Natalia Petrovna

nkoptseva@sfu-kras.ru

Abstract

The article reveals the problems of remodeling the history of indigenous knowledge of the Arctic. Using arguments related to the history of Western science, with the forms and methods of obtaining knowledge about the territories of traditional residence of indigenous peoples of the Canadian Arctic, Professor Stephen Bocking believes that the time has come to recognize the "wisdom" of indigenous peoples as another form of knowledge, along with science. Believing that this is a serious challenge to modern science, S. Bocking points out that Western science is a product of specific political and socio-historical factors that act as peculiar limiters of this form of knowledge. The "wisdom" of indigenous peoples of the Arctic represents an alternative ontology, where the relationship between people and other living species is initially modeled in ethical and ecological contexts. At the same time, the history of Western science demonstrates the constant interaction of the "wisdom" of indigenous peoples of the Arctic and modern scientific knowledge. Meeting at the epistemological border, these two forms of knowledge – science and "wisdom" – find themselves in a dynamic relationship, where the boundaries between them are permeable and mobile. Stephen Bocking calls this a significant "challenge" for modern science, which must acknowledge its "dependence" on political and other factors. At the same time, he reveals the basic principles of a new history of Arctic science, where indigenous knowledge itself and in the context of its transfer to scientists should receive a worthy place. It seems that this concept can be in demand in the creation of scientific models of indigenous knowledge, where they are used to improve the quality of life in northern and Arctic territories, including in the areas of health care and food security of the Russian Federation.

Keywords: Indigenous people, Local knowledge, Anthropology, Arctic, Indigenous knowledge

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 25-18-20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, grant from the Krasnoyarsk Regional Science Foundation.

Ссылка для цитирования: Koptseva N.P. Indigenous Arctic Knowledge: Stephen Bocking's Concept / N.P. Koptseva // Asia, America and Africa: history and modernity. – 2025. – V. 4. – No 2. – С. 0-00. – EDN: LSZXYZ

Введение

Современная социально-антропологическая проблематика коренных малочисленных народов находится в процессе трансформации (Коренные малочисленные народы..., 2012; Ethno-Formative Mechanisms..., 2012; Авдеева и Либакова, 2015; Глушенкова, 2015; Копцева, 2025; Новые перспективы для энцев..., 2020; Новые проекты..., 2018; Шпак и др., 2021). От изучения далекого прошлого и отношения к изучаемым народам как представителям древнего первобытного общества этнографы и антропологи переходят к исследованиям уникальных способов взаимодействия коренных народов и окружающей среды (Ethnocultural Space..., 2019; Kistova and Pimenova, 2016; Seredkina, 2014; Букова, 2016; Ермаков, 2023; Копцева и др., 2018; Кривоногов, 2024; Межэтнические отношения..., 2024; Принципы советской национальной..., 2021; Степанова, 2024, 2025; Шпак и Кирко, 2024). Данные способы взаимодействия по общему согласованному мнению обладают экологичностью, демонстрируют внимательное и бережное согласовывание действий людей с природными ритмами, соотнесение последствий антропологического воздействия на природу с законами природы, которые рано или поздно проявят свое фундаментальное воздействие на человеческий мир (Influence of Climatic..., 2017; Semyonova and Bralkova, 2011; Дегтяренко, 2015, 2020, 2022; Копцева, 2013; Либакова и Сертакова, 2018; Пчелкина и др., 2021; Ситникова, 2015a, 2015b; Шпак и Кирко, 2025; Специфика религиозного..., 2019; Значение научной..., 2024). В современной России исследования этнографии северных и арктических территорий занимают большое место, имеют давние традиции, сложившиеся научные школы. Как уже было отмечено, этнография коренных народов России также претерпевает серьезные изменения, которые подробно проанализированы А.В. Головневом и соавторами (Головнев и др., 2022).

Появляются новые предметные области коренных исследований, стирается грань между фундаментальной и прикладной наукой, жизнь коренных народов рассматриваются как особое этническое, этнокультурное пространство, которое также трансформируется под воздействием цифровизации, появления принципиально новых технологий, изменения факторов этнической идентификации и ряда других факторов. С недавнего времени важной предметной областью коренной этнографии становится проблематика киберэтничности, виртуальной этничности (см., Головнев и др., 2021). Одновременно происходит своеобразная регионализация и научная специализация коренных исследований, среди которых значительное место занимают этнокультурные исследования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (Reznikova et o., 2017; Sitnikova, 2014; Букова, 2017; Копцева и Неволько, 2012; Кулиш, 2025a, 2025b). С одной стороны, остаются и развиваются темы, связанные с традиционной проблематикой религии, языка, хозяйствования, традиций, художественных практик, с другой стороны, появляются принципиально новые темы, связанные с модернизацией традиционной экономики, формированием новых культурных практик коренных сообществ малых народов, их правового статуса, формирования интегративных пространств, где возникают и закрепляются «новые традиции» (Копцева и Шпак, 2024; Лобакова и Сертакова, 2017; Менжуренко и др., 2022; Национальная политика СССР, 2022; Образование и здравоохранение..., 2022; Пчелкина и Дегтяренко, 2021; Религиозные воззрения..., 2019; Широбоков и Письменска, 2024; Шпак, 2024). Большое значение такие исследования имеют в контексте повышения качества экспертной оценки при формировании стратегических документов и других форм для государственной политики (экономической, культурной, национальной) (Стратегические подходы..., 2020; Дегтяренко и Ермаков, 2022). При этом коренные исследования являются общемировой практикой, поскольку коренные сообщества распространены на всех континентах кроме Антарктиды. В последнее время закрепляется академическая лексика, связанная с разделением коренных сообществ на тех, которые живут на «Глобальном Севере», и на тех, которые живут на «Глобальном Юге». Подчеркивается известное неравенство уровня жизни и степени государственной и иной поддержки: так, считается, что народы Глобального Севера находятся в заведомо «лучшем» положении, чем народы «Глобального Юга». Многие ученые и эксперты склоняются к тому, что требуется переместить фокус внимания на «Глобальный Юг». Это очень дискуссионный вопрос, особенно в контексте различия в климате и ландшафте, сложности жизнеобеспечения, по-прежнему недостаточно высокого качества жизни на отдаленных северных территориях и связанных с этим проблем здравоохранения, образования, социального обеспечения, культурного развития и т.д. (Копцева М., 2019). Острыми

остаются вопросы сохранения и воспроизводства культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, хотя активно развивается научно-проектная деятельность, связанная с созданием и закреплением новых, современных (в том числе, цифровых) форм актуализации культурного наследия этих народов.

Тема коренных знаний, этнических знаний, шире – локальных и региональных знаний, традиционных знаний, традиционных экологических знаний, возникает практически сразу же в этнографии коренных народов, поскольку исследователи обязательно фиксируют какие-то особенности быта, занятий, медицины, пищи, традиций коренных народов, где знаниевый компонент непременно присутствует. В последние годы коренные знания рассматриваются не в аспекте суеверия или исторически примитивной формы познания, но в аспектах полноправного модуля мировой науки, имеющего ряд преимуществ, предопределяемых экологическими факторами. Одна из концепций коренных знаний народов Арктики представлена в исследованиях Стивена Бокинга (Трентский университет, Канада). В связи с важностью данной проблематики для российской этнологической науки и этнокультурной близостью коренных народов Севера Канады к российским коренным малочисленным народам Севера и Арктики, его концепция будет рассмотрена более подробно.

Коренные знания в контексте историографии наук о Земле и окружающей среде

В 2023 г. в издательстве Springer вышла книга Handbook of the Historiography of the Earth and Environmental Sciences, которая находится в открытом доступе и может распространяться в достаточно свободных форматах с соответствующим соблюдением авторского права (<https://link.springer.com/referencework/10.1007/978-3-030-92679-3#toc> (рис.1)).

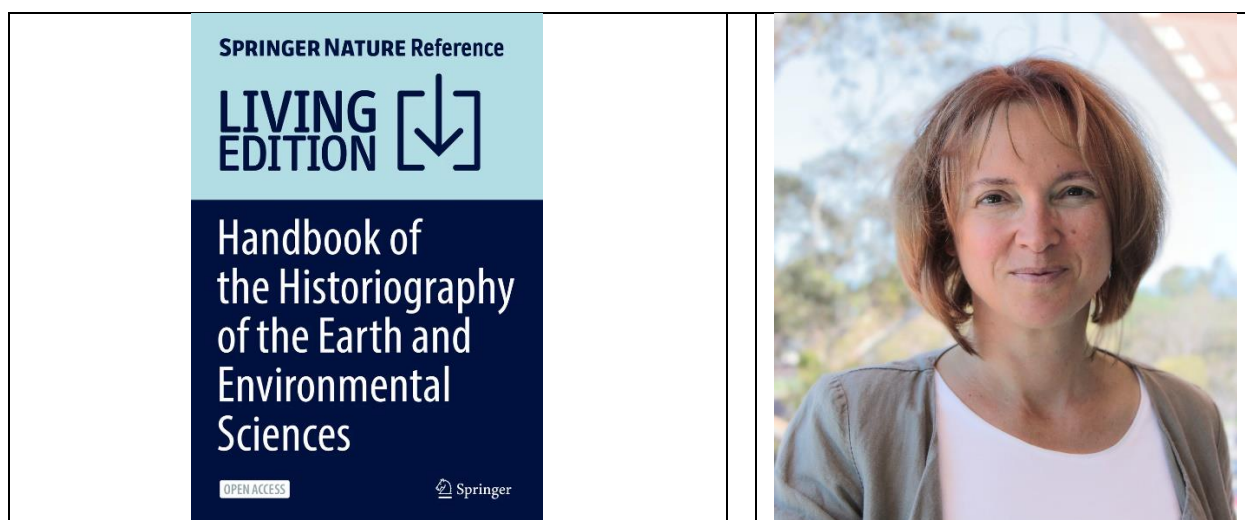

Рис.1. Обложка книги Handbook of the Historiography of the Earth and Environmental Sciences. Источник изображения: https://link.springer.com/referencework/10.1007/978-3-030-92679-3#toc	Рис.2. Профессор Елена Аронова, Калифорнийский университет, Санта-Барбара, США. Источник изображения: https://www.history.ucsb.edu/wp-content/uploads/IHC-pic1-cropped-copy.jpg
---	--

Научными редакторами книги являются известные ученые и эксперты: Елена Аронова, Калифорнийский университет, Санта-Барбара, США (рис.2), Дэвид Сепкоски, Институт Макса Планка, Берлин, Германия (рис.3), Марко Тамборини, Институт философии, Дармштадт, Германия (рис.4). Книга позиционируется на сайте издательства как «единственный доступный историографический анализ истории наук о Земле и окружающей среде», «оценка состояния отрасли группой выдающихся международных экспертов», «необходимый инструмент для внесения осознанного вклада в науку об истории системы наук о Земле» (<https://link.springer.com/referencework/10.1007/978-3-030-92679-3#toc>).

	
Рис.3. Профессор Дэвид Сепкоски, Институт Макса Планка, Берлин, Германия. Источник изображения: https://las.illinois.edu/news/2018-09-14/new-face-history	Рис.4. Профессор Марко Тамборини, Институт философии, Дармштадт, Германия. Источник изображения: https://www.researchgate.net/profile/Marco-Tamborini

На сайте издательства Springer о научных редакторах данного издания сказано следующее:

«Елена Аронова — доцент кафедры истории Калифорнийского университета в Санта-Барбаре. Она опубликовала работы по истории сбора данных об окружающей среде, истории Международного геофизического года, истории сейсмологии и историографии

науки. Она является автором книги «Scientific History: Experiments in History and Politics from the bolvic Revolution to the End of the Cold War» (University of Chicago Press, 2021), в которой документируется история непрерывных усилий по интеграции научных знаний и новых технологий — от генетики растений до компьютеров — в исторические исследования. Она была соредактором двух сборников эссе: «Science Studies during the Cold War and Beyond: Paradigms Defected» (Palgrave, 2016) и «Data Histories» (Osiris 32, 2017).

Дэвид Сепкоски — заведующий кафедрой имени Томаса М. Сибеля и профессор истории науки в Иллинойском университете в Урбане-Шампейне. Он является автором 3 книг и редактором нескольких томов, а также опубликовал множество статей и глав книг по истории Земли и наукам об окружающей среде. Его книга 2012 г. «Rereading the Fossil Record: The Rise of Paleobiology as an Evolutionary Discipline» (University of Chicago Press) документирует развитие палеобиологии как гибридной дисциплины, расположенной между геологией, биологией и наукой о данных. Его последняя книга «Catastrophic Thinking: Extinction and the Value of Diversity from Darwin to the Anthropocene» (University of Chicago Press, 2020) рассматривает историю культурных, политических и научных дебатов о вымирании с момента зарождения палеонтологии в начале XIX в. до кризиса биоразнообразия и критики антропоцена в начале XXI в.

Марко Тамборини преподает историю и философию науки в Техническом университете Дармштадта и является членом Junge Akademie в Майнцской Академии наук и литературы, а также научным сотрудником Академии молодых ученых им. Йоханны Квандт. Его исследования сосредоточены на истории и философии биологии, технауки и архитектуры с XIX в. по настоящее время. Он широко публиковался в международных журналах, таких как History of Science, Historical Studies in the Natural Sciences, Journal of the History of Biology, Studies in the History and Philosophy of Science, NTM, Studies in the History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences и т. д. Его текущий книжный проект под названием «The Architecture of Evolution: The Science of Form in Twentieth-Century Evolutionary Biology» (по контракту с University of Pittsburgh Press), рассказывает о забытом вкладе науки о форме в недавнее развитие эволюционной биологии и, в частности, в область эволюционной биологии развития. Награды: Премия Эверетта Мендельсона 2017 г., почетное упоминание Итальянского общества истории науки 2020 г.» (<https://link.springer.com/referencework/10.1007/978-3-030-92679-3#toc>).

Книга, которую они редактировали, — Handbook of the Historiography of the Earth and Environmental Sciences — имеет сложную структуру коллективного труда и состоит из 19 глав:

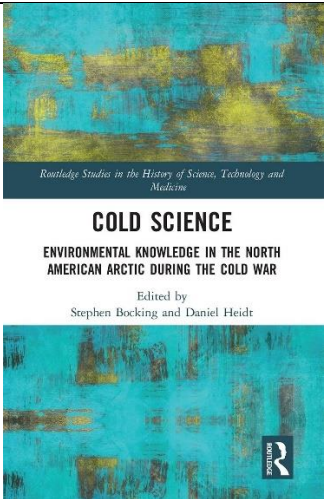
- 1) Изменение повествований в истории океанографии, автор Энтони Адлер;

- 2) Климат и малый ледниковый период, автор Джиллен Д'Арси Вуд;
- 3) Холодная война и науки о Земле, автор Рональд Э. Доэл;
- 4) Коллекции и музеи в историографии наук о Земле, автор Ирина Подгорная;
- 5) Данные, эстетика и визуализация глубокого времени, автор Марко Тамборини;
- 6) Науки о Земле и добывающий капитализм в эпоху Империи, автор Лукас Риппель;
- 7) Науки о Земле с точки зрения изучения науки и технологий, автор Кейтлин Д. Уайли;
- 8) Экспедиции и полевые работы в области наук о Земле, автор Марианна Клемун;
- 9) Истории замерзшей земли, автор Пей-И Чу;
- 10) Историография наук о Земле в Латинской Америке, авторы Сильвия Фернанда де Мендонса Фигейроа, Мария Маргарет Лопес;
- 11) История наук о Земле с юга, автор Джаррод Хор;
- 12) Знания и перспективы коренных народов, автор Стивен Бокинг;
- 13) Земля, рудники и кости: история Африки и глубокие знания о Земле, автор Крис Маниас;
- 14) Горное дело и металлургия в ранней императорской России, автор Анна Грабер;
- 15) Горное дело и формирование современной геологии, автор Себастьян Фельтен;
- 16) Философия наук о Земле, автор Дерек Д. Тернер;
- 17) Планеты: история наблюдения миров и изменения мировоззрений, автор Мэтью Шинделл;
- 18) Реки в истории: системы, агенты и места, автор Этьен Бенсон;
- 19) Женщины-геологи 1780–1840: перечитывая Шарлотту Мерчисон, автор Аделин Бакленд.

Можно видеть, что структура и ее содержание сбалансированы, отражают все новейшие тенденции в истории науки и техники, фиксируют важные моменты истории науки и техники от XVIII в. до настоящего времени. Все 19 глав находятся в открытом доступе и могут быть оценены широким кругом читателей, включая студентов, аспирантов, исследователей, в том числе, в области коренных исследований. В контексте данной проблематики внимание привлекает 12 глава авторства Стивена Бокинга «Знания и перспективы коренных народов». Профессор Стивен Бокинг (рис.5) на своем сайте говорит о себе следующее: «Я профессор экологической политики и истории в Трентском университете. Я работаю в Тренте с 1994 г. До этого я работал в Университете Британской Колумбии (год) и недолгое время преподавал в Йоркском университете и Университете Торонто, где изучал биологию и историю науки. Я преподаю курсы по экологической науке и политике, экологической истории и глобальной политической экологии. В своих

исследованиях я изучаю различные аспекты экологической науки и политики, как исторические, так и в современных контекстах» (<https://www.stephenbocking.ca>).

Среди книг, автор и/или редактором которых выступил профессор Бокинг, обращает внимание монография «Cold Science. Environmental Knowledge in the North American Arctic during the Cold War» (что может быть переведено на русский язык как «Холодная наука. Экологические знания в североамериканской Арктике во время холодной войны» (рис.6). Стивен Бокинг пишет: «Я редактировал эту книгу совместно с доктором Дэном Хайдтом, постдокторантом Роберты Бондар в Тренте. Первоначально основанная на международном семинаре, который мы провели в Тренте в апреле 2016 г., она представляет ряд исторических перспектив арктической науки во время Холодной войны в Соединенных Штатах, Канаде и Гренландии. Она была опубликована в марте 2019 г. издательством Routledge Press» (<https://www.stephenbocking.ca/#books>).

	
Рис.5. Профессор Стивен Бокинг, Трентский университет, Канада. Источник изображения: https://www.trentu.ca/environment/professors-emeriti	Рис. 6. Обложка книги «Cold Science. Environmental Knowledge in the North American Arctic during the Cold War». Источник изображения: https://www.stephenbocking.ca/#books

Профессор Стивен Бокинг – признанный специалист по истории арктической науки, его исследование важно для формирования нашей концептуальной и методологической позиции по отношению к коренным знаниям в области пищевых и медицинских растений. Есть смысл рассмотреть его позицию более подробно.

Глава 12 «Знания и перспективы коренных народов» имеет определенную структуру:

- 1) Введение;
- 2) «Стирание»;

- 3) Восстановление;
- 4) Переосмысление современных коренных знаний;
- 5) Возрождение;
- 6) Истории знаний коренных народов Арктики
- 7) Заключение.

Во введении автор пишет:

«Знания коренных народов стали важным аспектом экологических проблем. Понимание инуитами арктического морского льда в условиях потепления климата и роли коренных народов как хранителей биоразнообразия являются одними из многих способов, с помощью которых знания людей с глубокими связями с местом стали важными для понимания и сохранения окружающей среды. Знания коренных народов также стали важной темой в научной работе, способствуя пониманию экосистем и отношений человека и природы, одновременно бросая вызов эпистемологическим, онтологическим и политическим предположениям ученых. И они приобрели присутствие в исследованиях истории науки, как это видно, например, из историй колониальной и постколониальной науки и исследований глобальных изменений окружающей среды.

Значимость коренных знаний поднимает много вопросов, имеющих отношение к историографии наук о Земле и окружающей среде. Почему эти знания, которые когда-то широко игнорировались как «просто» истории или фольклор, теперь используются в научных и экологических вопросах, в том числе авторитетными институтами, такими как Межправительственная группа экспертов по изменению климата и Конвенция о биологическом разнообразии? Как их статус соотносится с меняющимися политическими контекстами экологических вопросов? Что этот статус говорит нам о пересечениях знаний и идентичности?

Эти и другие аспекты знаний коренных народов имеют отношение к целому ряду дисциплин. Поэтому их историография охватывает не только работу историков, но и антропологов, политических экологов и ученых в других областях. Знания из имперских и постколониальных исследований, исследований науки и технологий, изучения расовой и культурной идентичности и систем знаний на основе сообществ также имеют отношение к делу. Работа в этих областях дает возможности для улучшения нашего понимания исторической географии расы, природы и знаний.

Одной из проблем для историков знания коренных народов является терминология. При обсуждении этой темы используются различные термины, такие как «народные знания», «местные знания» и «традиционные экологические знания». Эти термины следует использовать с осторожностью, поскольку они отражают разнообразные и часто

оспариваемые теоретические, практические и политические обязательства. То же самое относится и к «эпистемологии коренных народов» — термину, который некоторые ученые-аборигены отвергают, поскольку он подразумевает, что природу знаний можно рассматривать в отрыве от ее политического и социального контекста. Само обозначение «коренной» отмечено его колониальным происхождением. Географические различия также важны: в поселенческих обществах, таких как Северная Америка, «коренные знания» относятся к знаниям «первых народов» и связанным с ними этическим отношением как сегодня, так и в прошлом; в Южной Азии они относятся к доколониальным формам знаний; историки Латинской Америки рассматривают его как одну из многих форм знаний, которые формируют ландшафт «креольской науки»; а в Европе этот термин может относиться к историческим знаниям о местной природе, отличным от знаний о более экзотических местах (Cooper 2007; McCook 2013; Menon 2022).

Знания коренных народов представляют собой другие проблемы для историографии наук о Земле и окружающей среде. Сами коренные народы оспаривали то, как ученые используют доказательства для вынесения суждений о знаниях; они критиковали предположение, что знания могут существовать в объективном пространстве, не запятнанном политикой; и они настаивали на том, чтобы исследователи признавали «эпистемическое насилие», которое так часто сопровождало производство знаний в контексте коренных народов, и, следовательно, этическую ответственность, которая сопровождает производство знаний сегодня. Поэтому историки, работающие в контексте коренных народов, должны признавать эти проблемы и соответствующим образом пересматривать свои практики и цели.

Сосредоточившись в первую очередь на дебатах XX и начала XXI вв., эта глава исследует установки и интерпретации коренных знаний, сформированные наблюдателями, обычно находящимися за пределами коренных общин, включая ученых, изучающих экологические знания в различных институциональных и политических контекстах. Глава начинается с обзоров стирания, пересмотра и возрождения коренных знаний в колониальных и постколониальных контекстах. Затем в ней признается необходимость географической специфики посредством фокусировки на историографии коренных знаний Арктики» (https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-3-030-92679-3_20-1).

Во введении профессор Бокинг ставит целый ряд важных проблем, связанных с местом коренных знаний в пространстве современной науки. Прежде всего, он ссылается на позицию ученых из числа представителей коренного населения, которые полагают, что проблема научных знаний в контексте их социальных и политических предпосылок — это общечеловеческая проблема. И все существующие и когда-либо существовавшие формы

научного знания следует рассматривать в этих политических и социальных контекстах, а не только «коренные знания». В этом смысле, возможно, сам термин несет колониальный или постколониальный смысл. Затем автор обращает внимание на различие содержания термина «коренные знания» для различных географических научных пространств: европейского, североамериканского (канадского), африканского, латиноамериканского. Следовательно, данное понятие нуждается в предварительном прояснении. И, наконец, коренные знания как модуль общечеловеческих научных знаний уже имеют свою историю, моделирование которой, возможно прояснит современный статус коренных знаний. Первым этапом этой истории Стивен Бокинг называет «стирание». Представляется, что русскими аналогами термина «стирание» могут «игнорирование», «нивелирование», «незамечание» и т.д. Автор использует англоязычный термин «Erasure», который помимо значения «стирание» в русском языке может означать «подчистка», «соскабливание», «вычищение места в тексте», «полное уничтожение». Обращаем внимание, что эмпирическими материалами для профессора Бокинга являются данные об инуитах, «первой нации», коренном народе, который проживает сегодня на северных и арктических территориях Канады. Рассмотрим этот раздел главы более подробно.

«Стирание»

Незнание коренных знаний когда-то было широко распространено в империях и государствах. Это невежество было не просто отсутствием знаний, а активно создаваемым состоянием (Proctor and Schiebinger 2008). Наука — как источник эмпирической информации и авторитета — постоянно присутствовала в истории империализма и формирования государств: способствуя навязыванию порядка и рациональности, стремлению к эффективности и «улучшению» и формированию современных обществ, одновременно оправдывая стирание других форм знаний, включая те, которыми владеют коренные народы (Drayton 2000). Наука была создана совместно с политической властью: направляя и оправдывая как физические преобразования (например, строительство плотин, обозначение парков для игр и переселение людей в резервации и заповедники), так и дискурсивное конструирование ландшафтов как управляемых систем производства или как нетронутой дикой природы, тем самым вытесняя и людей, и их знания (Neumann 1998; Nixon 2011: 150–174). Хотя это разворачивалось в различных географических и исторических контекстах, общим элементом было производство различий: различие стандартизированной, универсальной науки от «локальных» способов познания. Эти различия были по своей сути интерсекциональными, произведенными среди утверждения

различий, основанных на поле, этнической принадлежности, классе и местоположении (Radcliffe 2017).

Данные физические и дискурсивные преобразования подразумевают возможности для связи истории науки и истории окружающей среды. Восприятие знаний коренных народов было связано с изменением природных и социальных ландшафтов разными способами. В конце XIX и начале XX вв. экологические и социальные преобразования, такие как засуха, болезни и война в Восточной Африке или почти полное уничтожение бизонов и перемещение поселенцев на североамериканских равнинах, нарушили коренные общества, включая их отношения с местной средой, поощряя предположение, что «традиционные» доколониальные знания и образ жизни стали неактуальными. Предположения относительно знаний коренных народов также были встроены в интерпретации истории местных ландшафтов. От Мадагаскара до Юго-Восточной Азии и Австралии и в различных образах жизни, скотоводстве, подсечно-огневой обработке или управлении огнем, нарративы об экологическом кризисе были оправданы не критическим переносом теорий сбалансированной, первобытной природы. Эти нарративы затем оправдывали вмешательство, чтобы «спасти» местных жителей от их собственного «нерационального» поведения (Fairhead and Leach 1996; Kull 2000; Munro 2020; Oba 2020; O'Brien 2002). Изменение условий окружающей среды усилило эти восприятия. Засуха в 1930-х гг. способствовала появлению мнения, что местные жители чрезмерно выпасают скот на засушливых землях, способствуя опустыниванию: диагноз, основанный на убеждении, что их знания не способны адаптироваться к изменяющимся условиям (Davis 2016). В постколониальную эпоху эти обоснования вмешательства были легко переведены в императивы международного развития: формирование современных экономик и обществ посредством науки и технологий придало срочность стиранию знаний коренных народов (Scott 1998)» (https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-3-030-92679-3_20-1#Sec2)).

Профессор Бокинг делит свои аргументы, касающиеся позиции по отношению к коренным знаниям, на теоретические и эмпирические. К теоретическим аргументам относятся позиции, связанные с политическим и социальным ракурсами всех без исключения форм научного знания, но не только. Сюда же относятся политические позиции по поводу изменения природных ландшафтов и оценки критической позиции коренных народов этих изменений. Он полагает, что наука привлекалась политиками и другими заинтересованными силами для насильственного изменения ландшафтов и поэтому позиции коренных народов оценивались с «научной» точки зрения как «отсталые».

Вторая группа аргументов имеет эмпирическое происхождение: рассматриваются некоторые примеры, связанные с засухой, отстрелом бизонов, огневой формой очищения

территории от зарослей и другие, где позиции коренных народов опять-таки на долгие десятилетия трактовались как деструктивные и «нерациональные». Автор полагает, что именно научные оценки легли в основание соответствующих текстов международных документов, создавая нарративы и императивы социально-экономических подходов к освоению территорий. Он еще раз акцентирует внимание на том, что в этих нарративах и императивах коренные знания «стерты», их как будто бы и не было.

Следующий раздел главы назван С. Бокингом «Recovery», что опять-таки обладает множеством смысловых оттенков: восстановление, выздоровление, извлечение, возврат, возвращение, возврат в первоначальное состояние и ряд других. Общее значение понятно: коренные знания на определенном этапе истории науки об окружающей среде «возвращаются» в качестве важного аргумента при моделировании нового варианта истории соответствующих наук. Рассмотрим содержание данного раздела более подробно.

«Восстановление»

В последние десятилетия историки пересмотрели эту «историю стирания», описывая отношения между коренными и научными знаниями, которые включают не только перемещение, но и обмен, посредничество местных носителей знаний и формирование гибридных форм знаний. Одной из тем была роль коренных народов в исследовании: демонтаж рассказов о героических путешественниках путем описания их зависимости от местных жителей для руководства, средств передвижения и часто выживания. Колониальные карты были продуктом усилий по созданию познаваемых мест путем использования местных знаний, что способствовало, наряду со сбором и другими полевыми практиками, колониальному присвоению коренных культур в глобальные системы территориальной и таксономической классификации (Bryan, 2009). Внимание к роли коренных народов как брокеров и посредников знаний также обеспечило основу для восстановления их посредничества в истории полевых и музейных наук (Goss, 2021). Исторические исследования полевых работ подчеркивают роль участников-неспциалистов (включая коренные народы) в качестве полевых помощников или местных информаторов, формируя различия между космополитическими и местными способами познания (Kohler, 2011; Vetter, 2011). «Рабочие» ландшафты, такие как сельское хозяйство, сформировали особые контексты для этих взаимодействий, при этом производство знаний включало в себя множество местных субъектов (McCook, 2011). Хотя ученые часто включали мало информации о коренных источниках своих образцов и наблюдений, тщательное изучение полученных ими знаний может пролить свет на их взаимодействие с местными информаторами и зависимость от них. Таким образом, возникает образ «средней

земли» (как однажды описал ее Ричард Уайт) или «контактных зон» обмена и аккомодации, где знания передавались, причем ученые уделяли пристальное внимание местным условиям и знаниям, а местные жители инструктировали и бросали вызов имперским идеологиям и научным программам (Anderson, 2009; Hodge, 2007; White, 1991).

Эти отношения знаний обычно были продуктами местных переговоров. Не было никакого последовательного «колониального ума», но вместо этого было сложное взаимодействие между местными местами и более широкими сетями знаний (Chambers and Gillespie, 2001). Менее развитые колониальные научные возможности, как правило, поощряли больший интерес к знаниям коренных народов, а их неравномерное распределение влияло на дебаты о том, что считать наукой, и, следовательно, где будут проходить ее границы (Tilley, 2010). Культурные установки также имели значение: как объяснила Лонда Шибингер, знания об использовании *Caesalpinia pulcherrima* в качестве abortивного средства не смогли переместиться из Карибского бассейна в Европу по ряду причин, включая установки относительно пола и женского тела, экономические интересы и меняющуюся профессиональную идентичность медицинской практики (Schiebinger, 2008). Отношения, которые ученые сформировали с коренными знаниями, были сформированы не только их имперскими ролями и универсализирующими дискурсами современности и разума, но и их собственными институтами, дисциплинами и экологическими обстоятельствами (Radcliffe, 2017). Разнообразные научные взгляды на коренные знания подразумевают, что колониальное и постколониальное государство не следует рассматривать как монолит, преследующий скоординированную программу господства, направляемую экспертами. Вместо этого научная экспертиза может не только поддерживать, но и критиковать колониальные структуры власти.

Постколониальные исследования науки были дополнены работами в области исследований науки и технологий. Оба представляют взгляд на науку, включая утверждения о ее универсальном авторитете, как на ситуативную практику: смесь практических навыков, технических устройств, теории и социальных стратегий, привязанных к политическим, социальным и институциональным контекстам. Это подразумевает изучение мест, в которых знание производится и применяется, как оно перемещается между этими местами и как взаимодействуют различные формы знания. Согласно этой точке зрения, знание не требует принятия только потому, что оно соответствует «истине»; скорее, принятие должно пониматься с точки зрения интерпретации утверждений о знании в определенных когнитивных или институциональных рамках (Anderson and Adams, 2008). Тщательное изучение противоречий также было важным, демонстрируя, как знание является продуктом

переговоров между учеными, их покровителями и другими интересами (The Great Devonian Controversy Мартина Радвика считается ранней классикой среди «исследований противоречий»; Rudwick 1985).

«Работа над границами» — то, как ученые утверждают различия между своей работой и другими способами познания — была существенной для этих отношений между наукой и коренными знаниями (Gieryn 1999). Те, кто стремился отвергнуть коренные знания, сделали это, исключив их из науки, часто описывая их как анекдотические, неточные или просто спиритуалистические. Напротив, ученые, стремящиеся опираться на коренные знания, часто подчеркивали те аспекты, такие как таксономические классификации, которые можно легче всего удалить из контекста и понять в научных терминах. По сути, они перерисовывают границы науки, чтобы включить те аспекты коренных знаний, которые имеют в них смысл, исключая те, которые не будут способствовать их научным целям, такие как его социальные, культурные и расовые измерения.

Исторический авторитет коренных знаний, таким образом, связан как с историей попыток утверждать, что наука является «разной», так и с многочисленными практическими связями между этими формами знаний. Поэтому историки должны уделять пристальное внимание взаимодействиям и переговорам через изменчивые и проницаемые границы между наукой и другими формами знаний. Образ «коренного» и «научного» как раздробленных и нечетких категорий с различной степенью сходства, различия и совпадения, часто объединяемых в процессах формирования знаний и часто различаемых не на основе эпистемологического содержания, а их политических последствий (Agrawal 1995).

Политические экологи представили важные перспективы этой связи ситуативной истории науки и коренных знаний (Goldman et al., 2011). Мотивированные беспокойством об отношениях между знанием и осуществлением власти, они исследовали, среди прочего, формирование экологических субъектов по отношению к государству и другим формам власти, а также отношения между дискурсами экологического кризиса, коренных знаний и критических перспектив относительно предположений о равновесии. Влиятельные работы, такие как «Staying with the Trouble» (2016) Донны Харпудэй и «The Mushroom at the End of the World» (2015) Анны Цинг, бросили вызов понятию дихотомии между природой и культурой, утверждая взгляды, совместимые с коренными взглядами на отношения между людьми, другими видами и физическими и этическими мирами.

Дисциплинарная структура науки имела важное значение для исторического восприятия коренных знаний: формирования того, как думают ученые, и какие практики,

доказательства и идеи включены или исключены из науки. С 1930-х гг. несколько колониальных ученых в Африке, особенно в области здравоохранения, экологии и сельского хозяйства, начали изучать, как люди на самом деле использовали и понимали свою среду. Хотя они были патерналистскими и основывались на вере в превосходство науки, они оспаривали предположения о невежестве и иррациональности коренных народов, вместо этого описывая знания о лекарственных растениях и экологических условиях, а также адаптацию сельскохозяйственной деятельности к местным почвам и климату (Adams 2003; Tilley 2011). Каждая из этих дисциплин направляла оценки учеными релевантности и достоверности местных знаний.

С момента своего формирования как отдельной дисциплины антропология играла особую роль в формировании представлений о коренных знаниях. По мере расширения европейских империй исследователи следовали за ними, изучая способы познания колонизированных народов. В соответствии с их фокусом на культурах, которые, как считалось, были ближе к природе, антропологи особенно интересовались тем, как они соотносились со своей средой, включая, как Бронислав Малиновский описал в случае с жителями Тробриановых островов, «примитивные знания», имеющие отношение к непосредственным проблемам, таким как сельское хозяйство, врачевание и навигация (Orr et al., 2015; Tilley 2010). К 1950-м гг. антропологи разрабатывали различные точки зрения на отношения коренных народов с окружающей средой. Формируя культурную экологию как новую область исследований, Джулиан Стюард и его коллеги подчеркивали адаптивные связи между культурой и окружающей средой. Этнонаука (изучение представлений о мире, которых придерживается народ или культура), этноэкология и экология человека также стали активными областями исследований. Как сформулировал Гарольд Конклин в 1954 г., «этноэкологический подход» привлек внимание к тому, как люди понимают свою локальную среду. «Когнитивная антропология» предположила, что вместо того, чтобы вписывать культуры в этноцентрическое повествование от примитивного до современного, антропологи могли бы понимать их на своих собственных условиях, с аборигенными знаниями как частью всеобъемлющих, целостных перспектив, встроенных в системы использования ресурсов, выбора и принятия решений. Эти тенденции привели к тому, что многие антропологи стали рассматривать аборигенные знания как часть определяющего предмета своей дисциплины (Orr et al. 2015; Sillitoe 1998).

Антропологические взгляды на коренные знания часто были спорными, поднимая вопросы, касающиеся, например, относительных ролей материальных, социальных и символических объяснений отношений человека и окружающей среды; онтологического статуса социальных отношений между людьми и другими видами; и степени, в которой

антропологи переосмыслили, упростили или неверно истолковали коренные знания, чтобы вписаться в свою дисциплину (Orr et al., 2015; Pualani Louis 2007). Антропологи также приняли новый и часто оспариваемый политический статус через свою роль посредников между коренными народами и более влиятельными акторами. Этот сдвиг подразумевал переход от аполитичного изучения местных отношений человека и окружающей среды к рассмотрению политики и власти, под влиянием работ критически настроенных ученых, таких как Артуро Эскобар (1995). Таким образом, существуют различные способы, с помощью которых историки могут рассматривать отношения между антропологией и знаниями коренных народов: с точки зрения концептуального развития дисциплины, формирования исследовательских методов и практик (таких как включенное наблюдение) или развивающихся политических последствий антропологии.

Изучение этих отношений между наукой и коренными знаниями сопровождалось переосмыслением глобальной диффузии науки, вытесненной идеями мобильности, циркуляции и трансформации, которые бросают вызов различиям между центром и периферией (Anderson, 2018). Ситуативная природа науки также бросает вызов различию между локальным и глобальным: то, что можно считать «глобальным» (например, научные перспективы), отражает влияние местных обстоятельств, в то время как «локальное» (например, коренные знания) обретает свое значение, по крайней мере частично, в связи с глобальными факторами. Связанные с этим вопросы включают последствия «деколонизации» знаний; распределение доступа и контроля над ресурсами; права интеллектуальной собственности; и проблемы коммуникации между наукой и устными знаниями (Hayden 2004). Различные работы переосмыслили «глобализацию» науки как условную и гетерогенную совокупность, фактически «индигенизируя» науку в контактных зонах, общих для различных форм знания (Anderson, 2020; Delbourgo, 2019; Sim, 2021). Однако эти контактные зоны должны включать не только конкретные места, где взаимодействуют новички и коренные народы, но и все места, где эти отношения обсуждаются, такие как музеи, где классифицируются полевые образцы, и научные общества, которые служат привратниками для дисциплинарного знания (Schiebinger 2011).

Антропологи и исторические экологи продемонстрировали, что «нетронутые» места обитания, такие как бассейн Амазонки и Северная Америка до европейского поселения, на самом деле демонстрируют длительную историю освоения со стороны коренных народов. При этом они сделали видимыми не только физические следы этих действий, но и знания, направлявшие эти действия (Denevan, 2011; Raffles and WinklerPrins, 2003). Эти выводы продолжают бросать вызов сохранению биоразнообразия и заботе о природе, определяемой с точки зрения «отсутствия людей».

На протяжении всей этой истории встреч между различными формами знания идеи о расе постоянно присутствовали. Смена имперских географий — как видно, например, в Британской империи — поощряла новые идеи об отношениях между расой и окружающей средой, с возможностью разработки технологий в ответ на местные заболевания, интерпретируемые с точки зрения расовых различий, тем самым связывая знания, адаптацию и расовую идентичность (Benson 2020: 48–77). Элементы критической расовой теории, такие как концепция «белизны», предоставляют один из способов осмысления этих историй знаний и расовой мысли, включая расовые различия между наукой и коренными знаниями. «Белизна» была не только в цвете кожи, но и в том, как колониальные чиновники, ученые и врачи оценивали ряд характеристик и связанных с ними идентичностей с точки зрения расовых теорий. Как идентичность, определяемая как расово «неотмеченная» и, таким образом, нормальная, по которой оцениваются другие идентичности, «белизна» стала как интерпретационной структурой, так и набором властных отношений (Garner 2007; Kobayashi 2003). Она также поддерживала аналогичную связь с наукой: обе утверждали свой статус как немаркированные и объективные — и, таким образом, как определяемые в терминах отсутствия, будь то расовой идентичности или предвзятости. Обе также осуществляли через социальные отношения власть, которая сопровождает этот статус, способами, которые являются специфическими для времени и места. Сегодня наука, утверждая отсутствие расовой идентичности, продолжает молчаливо утверждать свою «белизну», в то время как коренным знаниям предоставляется идентичность, определяемая как в терминах расы, так и места.

Таким образом, исторические восприятия коренных знаний можно понимать с точки зрения ситуативного построения авторитета знаний: роли мест, практик и инструментов, профессиональных и дисциплинарных сообществ и институтов, а также власти в создании того, что определяется как истина. Сама концепция коренных знаний — включая тенденцию собирать и изучать их в формах, оторванных от их социальных и культурных контекстов — отражает ограничения, подразумеваемые тем, как ученые распознают доказательства, авторитет и объекты знания (Cameron et al., 2014). Переосмысление истории науки как истории знаний — один из ответов: признание того, что наука — это лишь один из многих способов познания мира (Beattie and Morgan 2021). Однако это переосмысление должно также признавать продолжающееся влияние предположений и политических обязательств, которые лежат в основе отличительного авторитета науки» (https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-3-030-92679-3_20-1#Sec3).

В этом разделе профессор Бокинг перечисляет значительное количество форм взаимодействия западных ученых и коренного населения, где знание, построенное на

данном взаимодействии, представлялось полученным исключительно западным ученым. Одновременно, он указывает на пограничный характер полученного знания, где граница между представителями коренного населения и представителями западной (колониальной и постколониальной) науки подвижна и проницаема. Возрождение коренных знаний видится автором в контексте перемоделирования истории науки, включения в нее описания роли представителей коренного населения, которые взаимодействовали с путешественниками, учеными, миссионерами, делились с ними своим пониманием природы, способствовали их выживанию в непривычном климате и ландшафте.

Вторым важным моментом, с точки зрения Бокинга, в восстановлении истории науки в контексте возрождения коренных знаний, является описание того, как сами коренные народы многие века осваивали и преобразовывали свои территории, включаясь в природные циклы.

Третий момент, на который указывает автор, это умолчание относительно расы ученых, если она «белая». В самом факте такого умалчивания видят сегодня фактор пристрастности, противопоставления в прошлом «ложных» коренных знаний и «подлинных» знаний ученых – представителей западной, европейской науки.

И, наконец, важное концептуальное замечание связано с тем, что всю науку необходимо пересмотреть в контексте политических и социально-исторических влияний, которые воздействовали на концепции, методологию, методики, выбор эмпирического материала, характеристику степени полезности полученного знания и т.д. Более того, профессор Бокинг полагает, что сама наука в целом имеет ряд политических и конкретно-исторических ограничений. Для адекватного моделирования истории науки необходимо признать ограниченность самой науки в пространстве получения знаний. Наука – не единственная деятельность, в ходе которой знания могут быть получены. Одновременно автор показывает, что знание, сформулированное западными учеными по поводу территории и других феноменов, связанных с коренными сообществами, всегда является результатом диалога, в нем есть и то, что привнесено ученым, и то, что привнесено представителем коренного населения. Эта диалоговая форма получения знания (интегративного по своей природе) рассматривается в следующем разделе, содержание которого будет рассмотрено более подробно.

Переосмысление современных коренных знаний

«Исторический анализ знаний коренных народов существует в диалоге с исследованиями ученых, исследователей и активистов современного статуса знаний коренных народов. Последние часто были сформулированы в эмпирических терминах:

оценка точности знаний коренных народов по отношению к реальности, как определено наукой. Связанная с этим стратегия заключалась в утверждении их практических преимуществ – как это было видно, например, в сохранении традиционных сортов сельскохозяйственных культур или видов и мест обитания территорий, управляемых коренными народами. Эта перспектива получила заметное внимание на Саммите Земли 1992 г., когда был подчеркнут вклад знаний коренных народов в сохранение биоразнообразия. Эти анализы формулируют знания коренных народов с точки зрения прагматического реализма: их преимущества подтверждают их соответствие эмпирической реальности. Анализы вопросов интеллектуальной собственности, поднятых применением знаний коренных народов к биоразведке, основаны на схожей перспективе: полезные виды и знания о них рассматриваются как отчетливо ценные ресурсы (Hayden, 2004; Osseo-Asare, 2013).

Реалистичные взгляды на знания коренных народов также опираются на идеи экологической науки. Экологи пересмотрели предположения о равновесии; вместо этого изменения и нарушения были признаны присущими экологическим системам даже при отсутствии вмешательства человека. Связанным с этим развитием стало формирование К. С. Холлингом и коллегами концепций адаптивного управления и экологической устойчивости. Эти концепции подразумевают, что научное знание обязательно неполное; что «сюрпризы» всегда возможны; что устойчивость, а не контроль, должна быть целью; и что управление должно допускать непрерывное обучение. Некоторые ученые видят в этих концепциях ратификацию знаний коренных народов, особенно в том, как они демонстрируют адаптацию к неравновесным условиям — в большей степени, чем режимы управления ресурсами, основанные на контроле. По сути, знания коренных народов были задуманы как способ работы с природой, а не против нее. Многочисленные ученые описывали, как системы управления местными ресурсами часто в высокой степени адаптированы к более изменчивым средам. Например, в странах Африки к югу от Сахары мобильное скотоводство больше подходит для пастбищ, демонстрирующих колебания количества осадков и других условий, чем системы управления ресурсами, основанные на предположениях (часто импортированных из умеренных регионов) о равновесии (Davis 2016). Аналогичный аргумент был выдвинут относительно использования коренными народами огня для управления экосистемами (Kull 2000). В целом, коренные знания приобрели авторитет, соответствуя инновациям в экологической теории и даже предвосхищая их, а также сомнениям относительно способности науки навязывать контроль над природой.

Хотя эти прагматические перспективы убедительны в общественном, политическом и научном контекстах, они являются лишь отправной точкой для понимания современного статуса коренных знаний. В постколониальную эпоху агентства по развитию стали играть центральную роль в коренных знаниях: оценивая, извлекая и применяя их в практических и нормативных контекстах в различных масштабах, от местных учреждений до многосторонних организаций, таких как Всемирный банк (Brokensha et al., 1980). Это отражало несколько факторов: влияние антропологических исследований; признание практической ценности этих знаний в контексте сельского хозяйства, охраны природы и лесного хозяйства (поощрение формирования, например, агролесоводства для кодификации давних практик смешанного сельского хозяйства); защита интересов коренных народов; и альтернативные фреймы отношений между государствами и народами, включая сообщества и подчиненных. К концу 1970-х гг. появилась критика самого развития, включая предположение о едином пути через науку к современности. Тем не менее, в практике развития коренные знания оставались оформленными в терминах науки: оценивались на точность по отношению к научным знаниям, определялись как специфически местные знания, чтобы отличать их от «универсальной» науки, переводились в научные термины (например, в агролесоводстве), чтобы быть жизнеспособными в современном мире, и придерживались четкого различия между природой и культурой (Agrawal 2002). Это оформление приобрело известность благодаря концепции устойчивого развития: хотя в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию « Наше общее будущее » (1987) выражалось сочувствие коренным народам, оно также продолжало многолетнюю традицию представления их знаний как находящейся под угрозой исчезновения исторической реликвии, которая выжила только благодаря изоляции от современного мира (O'Brien 2002). Критика этой точки зрения, на которую ссылается О'Брайен, перекликается с анализом Кима ТоллБеара попыток представить идентичность и знания коренных народов как исторические реликвии, которые можно подтвердить (и, следовательно, ограничить) с помощью генетической науки (TallBear, 2013).

Эта реконструкция коренных знаний в терминах науки и научно-обоснованного развития стала очевидной в их кодификации как традиционных экологических знаний (ТЕК). Концепция ТЕК олицетворяла извлечение коренных знаний из их культурного контекста для превращения в товар, совместимый с экологическим администрированием и управлением ресурсами (Nelson 2005). ТЕК иллюстрирует, как эти категории должны интерпретироваться не как самоочевидно различные формы знаний, а с точки зрения конкретных институциональных, политических и социальных контекстов.

Существует также параллельная история публичного дискурса относительно коренных знаний. В Америке понятия «мудрости» коренных народов и «экологического индейца» как подлинной альтернативы индустриальному обществу были использованы Эрнестом Томпсоном Сетоном, Генри Дэвидом Торо, Джоном Мьюиром и другими писателями, став неотъемлемой частью популярной культуры — в конечном итоге вызванной в эпоху энвайронментализма через образ «плачущего индейца»: символ, способствующий массовому убеждению, но оторванный от коренных реалий (Dunaway 2015). В защиту лесов и прав коренных народов, таких как пуан, экологи переосмыслили свои знания в терминах, совместимых с западной романтической традицией (Brosius 1997). Критика науки (включая представление об истории науки как истории прогресса) и современного общества стала проецироваться на коренные знания, которые теперь обозначены как источник новых экологических установок (Krech 1999; Smithers 2015). Рассматриваемые как вневременные и находящиеся вне современности, коренные знания стали определяться в оппозиционных терминах, которые избегали любых попыток взаимодействовать с коренными народами и их историей на их собственных условиях (Nadasdy 2005)» (https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-3-030-92679-3_20-1#Sec4).

В этом важном для исследования разделе его автор, профессор Стивен Бокинг раскрывает логику отношения к коренным знаниям в современном мире. Отношение к коренным знаниям прошло сложный исторический путь от отношения к ним как суевериям, затем как к исторической реликвии, противоположной современной науке и отличающейся от нее, затем как к форме знаний, прежде всего, в формате ТЕК. В настоящее время формируется и складывается совершенно иная парадигма, где коренные знания воспринимаются как изначально противостоящие науке (западной науке) и моделируются как особая ненаучная форма знания, в которой экологические установки имеют решающее значение: уникальная «мудрость» коренных народов об обустройстве жизни и природопользовании в контексте представителей коренных народов как носителей этих знаний и в оппозиции к науке, внутренняя логика которой деструктивна по отношению к естественным ритмам и закономерностям природной среды.

В этом контексте большое значение имеют как формы нового моделирования истории науки, которая обязательно должна включать описание реальных взаимодействий западных исследователей и коренных народов, с одной стороны, а с другой стороны, способы получения коренных знаний и способы использования этих знаний бросают вызов западной науке и западным технологиям, заставляя эти формы западной культуры критически относиться к самим себе и перестраивать себя на иных, «гибридных», основаниях. Детализации этой позиции посвящен следующий раздел

«Возрождение»

«Коренные народы сыграли важную роль в формировании коренных знаний как области исследований, согласовывая их отношения с наукой и доминирующими институтами. Они делали это в традиционных исследовательских контекстах, включая университеты, но также и в сообществах, и на территориях коренных народов, в государственных и международных агентствах и в более широкой общественной сфере. Во многих случаях эти контексты формировали места борьбы как за материальные среды, так и за контрастные способы познания и проживания в местах. Утверждения и интерпретации коренных народов своих знаний расширяют историографическую повестку дня понимания производства знаний в различных средах, но они также бросают вызов академической истории, подвергая сомнению границы между знанием и его политическими последствиями, а также между знанием и другими аспектами общества, включая этическую ответственность, которая связывает людей, другие виды и более широкую окружающую среду. (Существуют важные параллели между этой перспективой и работой, которая выявила расовое и колониальное формы насилия, заложенные в науках антропоцена, включая геологию (Yusoff, 2018)). Поэтому интерес заключается в том, чтобы выйти за рамки описания и анализа и перейти к политическим действиям. Эта работа может быть оформлена в терминах региональной экологической истории, включая отчеты о борьбе за ландшафты и экологические особенности, а также последствия плотин, трубопроводов и других энергетических объектов, освоения ресурсов и военных действий. Однако историки окружающей среды не спешили включать эти измерения коренных знаний в свою дисциплину: по одному из отчетов, ученые в области американской экологической истории имели тенденцию предполагать, что коренные народы не были значимыми игроками после 1900 г. (Rosier, 2013).

Одним из способов, которым коренные народы утверждали эти взгляды на знания и их границы, было настаивание на том, чтобы исследования придерживались этических отношений с сообществами: чтобы они уважали точки зрения коренных народов, включали этические практики и способствовали благосостоянию сообщества. Соответственно, коренные сообщества и агентства сформировали протоколы и структуры обзора и подотчетности для содействия уважительным и этичным отношениям между исследователями и сообществами, основанным на сотрудничестве, а не на извлечении знаний, и признании политического характера исследований (Kovach, 2009; Latulippe and Klenk, 2020; Liboiron, 2021; Smith, 2021).

Однако этические принципы исследования – как и понятие знания как чего-то отличного от повседневной жизни – также отражают приспособление к научным эпистемологическим принципам. Аналогичным образом, усилия коренных народов по утверждению претензий на землю и ресурсы должны по-прежнему соответствовать колониальным требованиям, включая демонстрацию того, что их управление землей и животными соответствует стандартам научно обоснованного управления окружающей средой. Методы совместного картирования, которые опираются на местные знания для утверждения территориальной власти, аналогичным образом встроены в государственные рамки территориальной власти. На практике коренные знания часто признавались только тогда, когда они подкреплялись доступом к земле или контролем над ней – придерживаясь, а не оспаривая общепринятые стандарты власти.

Помимо утверждений в конкретных контекстах и сообществах, многие авторы-аборигены представили более общие взгляды на значения и политику коренных знаний. В североамериканском контексте к ним относятся, среди прочих, Вайн Делория, Дебора МакГрегор, Вайнона ЛаДьюк и Лиэнн Симпсон. Они подчеркивали, что коренные знания — это нечто большее, чем эпистемология: они подразумевают этические обязательства и формы действия, а также альтернативные онтологии тем, которые утверждаются «западной» территориальной властью и наукой (например, социальные и этические отношения между людьми и другими видами) (Liboiron, 2021; Whyte, 2017).

В контексте этой главы значимость этих авторов заключается в том, что они бросают вызов общепринятым предположениям об академических исследованиях (включая историю науки): как следует интерпретировать доказательства; что это исследование является или даже может быть политически нейтральным (вместо этого оно выражает ценности колониального государства поселенцев); нарративы о прогрессивном формировании и распространении научных знаний (скорее, эти знания были основаны на эпистемическом насилии, присущем маргинализации перспектив коренных народов); и колониальное конструирование самого означающего «коренной» (Parrenas, 2020). Поэтому для деколонизации как науки, так и истории необходимо подтвердить автономию других традиций знания и противостоять их извлечению и включению в доминирующие способы познания (Radcliffe, 2017b). Это подразумевает критический взгляд на анализ постколониальными историками обменов между наукой и коренными знаниями и формирования гибридного знания: утверждается, что это преуменьшает эксплуатацию коренных народов и их знаний на протяжении всей истории науки. Вместо этого они подчеркивают несоизмеримость коренных и научных знаний, включая различия в том, что считается доказательством, объяснением и авторством, способами, которыми знание

соотносится с сообществами, и восприятием времени и истории (Tuck and Yang, 2012). Одним из проявлений этого стали попытки «деколонизировать» или «индигенизировать» университет, предоставить пространство для коренных способов познания на их собственных условиях (Latulippe and Klenk, 2020).

Глобальное распространение понятия «коренное» (выражение отличительной идентичности коренных народов) — очевидное, например, в Заявлении Организации Объединенных Наций о правах коренных народов и растущее присутствие коренных народов в международных делах по охране природы — имеет свои собственные последствия для историографии экологической науки. Как и коренные знания, коренное происхождение не является ни навязанным, ни автономным продуктом, а результатом взаимодействия между тем, как люди видят себя и свои контексты. Хотя отчасти это продукт глобализации, коренное происхождение также географически специфично. Ключевые аспекты концепции, включая тенденцию к эссенциализму и недвусмысленное разграничение между коренной и некоренной идентичностью, укоренены в поселенческих обществах, особенно в Северной Америке. Напротив, коренное происхождение имеет разные значения, например, в Юго-Восточной Азии или в Африке (Mavhunga, 2018; Parrenas, 2020; Sim, 2021). Таким образом, историография знаний коренных народов как выражения их идентичности должна охватывать то, как они распространялись в различных географических, политических и культурных контекстах» (https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-3-030-92679-3_20-1#Sec5).

Данный раздел продолжает проблематику предшествующего и содержательно представляет собой проект нового моделирования истории науки, где коренные знания рассматриваются как нечто большее, нежели «знание» в западном значении этого слова. В смысловую структуру коренного знания входят и знания, и этические императивы, и формы действия, и новые онтологии, где априори установлены иные, чем на Западе, формы социальных и этических отношений между людьми и другими живыми видами.

Одновременно профессор Бокинг еще раз подчеркивает различие термина «коренное происхождение» в зависимости от современного географического, политического и культурного контекстов. Соответственно, будет разное значение и у выражения «коренные знания». Общим остается ситуация «вызова» современной науке от признания приоритета коренных знаний как носителей альтернативной онтологии, утверждающей совершенно иные принципы территориального закрепления за людьми власти над определенным пространством с помощью научных экспертных обоснований (позиция современной западной науки), с одной стороны, и дружелюбного единства всего живого между собой,

включая этические законы и формы действия (позиция коренных знаний, ТЕК), с другой стороны.

В этих контекстах должна измениться и модель истории коренных знаний Арктики как одного из модулей общей истории коренных знаний. Профессор Бокинг рассматривает Арктику в канадском ракурсе как пространство жизни инуитов. Следующий раздел – самый обширный в этой главе – важен для понимания того, что такое коренные знания относительно Арктики. Учитывая, что современная Россия обладает самыми значительными в мире арктическими территориями и акваториями, где живут и добывают себе средства к существованию коренные малочисленные народы Севера и Арктики, данный раздел имеет актуальное значение, поэтому его содержание будет рассмотрено более подробно.

Истории коренных знаний Арктики

«Расположенные в определенных местах и сообществах, коренные знания должны изучаться соответствующим образом. Канадская Арктика предоставляет особые возможности для изучения ее расположенной природы, включая ее исторические связи с научным знанием. Эти связи проявились отличительными способами многие из вопросов, обсуждаемых в этой главе; поэтому они иллюстрируют ценность изучения истории коренных знаний в регионах с незнакомой, неумеренной средой, которая воплощает вызов предположениям о научной экспансии и господстве. Знания в канадской Арктике были сформированы как местными обстоятельствами, включая особую среду и политические, экономические и институциональные условия, так и факторами, которые не являются специфическими для региона, включая транснациональные научные дисциплины, глобальную экономику ресурсов и отношения между нациями. История коренных знаний в канадской Арктике также имеет отношение к другим вопросам, таким как изменение климата и переход к антропоцену, что подразумевает не только трансформацию физической среды, но и социальные, этические и правозащитные проблемы.

На протяжении столетий канадская Арктика понималась с точки зрения значений и ценностей держав, расположенных в других местах: как имперская территория, место экономических возможностей или желанный проход в более прибыльные регионы. История знаний об Арктике XX в. была отмечена пересечением колониальной и научной властей: это проявилось в расширении административного контроля, утверждении военных и стратегических интересов, ориентации экономической деятельности на мировые рынки и переопределении региона как среды, уязвимой для индустриального общества. С 1970-х гг. критика этого пересечения подразумевалась в политических событиях: передача

полномочий местным органам власти, возобновление интереса к местным ресурсам для удовлетворения местных потребностей и взгляды на окружающую среду Арктики, которые включают в себя перспективы коренных народов. На протяжении всего времени ученые определяли Арктику по-разному: как отличительную (следовательно, требующую особых идей и методов) или как место, похожее на более знакомые места в других пространствах (хотя и более холодную или менее продуктивную) (Bocking and Martin, 2017).

На протяжении большей части истории Арктики коренные знания занимали молчаливое положение: существенные, но часто не замечаемые. Исследователи обычно жили и путешествовали с коренными народами, причем некоторые из самых известных, включая Роберта Пири и Вильялмура Стефанссона, считали коренные знания необходимым условием для выживания, хотя они также, по разным причинам, включая расовые установки, чувство культурного превосходства или необходимость утверждать (белую) достоверность, затмевали роль коренных народов в исследованиях (Dick, 2001; Martin, 2020). В начале XX в. отношение ученых к Арктике могло быть основано на науке, но иногда представляло собой реакцию «против модернизации» и открытость к «коренной мудрости» — очевидно, в том, как изобретательность инуитов стала основным продуктом отчетов о путешествиях в Арктику. Но после Второй мировой войны и по причинам, подробно описанным далее, история коренных знаний в канадской Арктике стала историей «стирания». Ни одно государственное учреждение и лишь немногие ученые не признавали более чем символически знания коренных народов. Они рассматривались как «анекдотические» и «субъективные», не соответствующие научным стандартам. Политика правительства обычно включала игнорирование знаний коренных народов. Это делалось, отчасти, путем расширения традиции вмешательства в охотничьи культуры, оправданной с точки зрения охраны. Вмешательство также включало в себя перемещение общин, что одновременно отрицало знания общины и делало их неактуальными. Кризисы охоты, случаи крайнего голода и трансформация поселений способствовали мнению, что любые знания, которыми когда-то обладали коренные народы, не могли пережить трансформацию послевоенного арктического общества. Вместо этого культура знания земли рассматривалась как рудиментарный остаток, ожидающий ассимиляции в доминирующую культуру.

Наука о дикой природе играла центральную роль в послевоенном восприятии знаний коренных народов Арктики. Канадская служба охраны дикой природы стала неотъемлемой частью интервенционистской программы управления дикой природой, утверждая экспертный надзор за отношениями коренных народов и дикой природы, отрицая при этом существование коренных знаний и практик. Наука о дикой природе и управление

противоречили коренным взглядам, сосредоточившись на популяциях, физиологии и экологии ареала, а также предполагая, что каждый охотник действует как личность в конкуренции с другими и поэтому должен регулироваться экспертным органом. Научная практика подкрепляла эту точку зрения, подчеркивая воздушное обследование популяций — подход, соответствующий практикам в североамериканском исследовательском сообществе, но который усиливал границу между научными и коренными знаниями. Считалось, что коренные охотники также склонны к расточительству: испорченные воздействием современного общества, они, вероятно, охотились сверх меры, как только перестали ограничиваться примитивными технологиями (Kulchyski and Tester, 2007; Sandlos, 2007).

Изменение социальных отношений в арктической науке повлияло на восприятие коренных знаний. Новые научные объекты, включая самолеты и исследовательские лаборатории, означали, что ученым больше не нужно было жить среди коренных народов, изучать их методы путешествий и выживания или, по сути, иметь с ними какой-либо контакт. «Вид сверху», предоставляемый самолетами, позволил ученым расширить свою перспективу на более обширные территории, порвав с предыдущей зависимостью от наземных исследований. При этом ученые утверждали новую «белую» идентичность: кажущуюся объективной, оторванной от местных социальных и культурных обстоятельств — и такую, из которой коренные народы были исключены. Так же, как белизна могла быть сконструирована как категория, лишенная расовой идентичности, наука могла быть утверждена как чистое и объективное знание, как стандарт, по которому можно было оценивать другие формы знания, и как исключающая аспекты других форм знания, которые имели явную расовую идентичность (Kobayashi, 2003; Garner, 2007). И поэтому, когда ученые поднимались в воздух и в лаборатории, сами коренные знания обычно игнорировались как историческая реликвия: субъективная и частичная.

Эти взгляды на охоту, социальные условия и коренные знания были связаны с идеями о расе. Вмешательства в жизнь сообщества отражали желание, основанное на отношении к расе и пространству, преобразовать и модернизировать арктическое общество (Usher 2004). «Арктическая расовая идентичность» определялась не только с точки зрения происхождения, но также, особенно для инуитов, с точки зрения отношений с землей. Ощущение того, что эти отношения были разорваны колонизацией и экономическими и технологическими преобразованиями, могло, таким образом, оправдать их ассимиляцию в доминирующее общество: процесс, поощряемый тесной связью между белой идентичностью и целями государства, и, в более общем плане, между белизной и самим прогрессом. Напротив, ученые, изучающие дикую природу, утверждали, что у коренных

охотников было мало возможностей для охраны природы. Таким образом, расточительность по отношению к дикой природе стала «расовой характеристикой». Аргумент о том, что наука является единственным надежным источником знаний, также был частично сформулирован в расовых терминах: это была нерасовая перспектива, нечто, что было характерно исключительно для некоренных (то есть белых) людей. Эта «расизация знаний» могла затем способствовать оправданию власти над средствами к существованию коренных народов (Kobayashi, 2003). «Раса» также была вовлечена в контрастные взгляды на то, была ли адаптация инуитов к условиям окружающей среды Арктики неотъемлемой частью их биологии или продуктом их изобретательности.

Коренные народы Арктики издавна привлекали интерес антропологов: незапятнанные «современностью», но способные адаптироваться к сложной среде — по словам Харви Фейта, предметы исследования на «абсолютном нуле человеческой культуры» (цитируется по: Anderson, 2004: 1). В 1880-х гг. Франц Боас рассматривал Арктику и географическую изоляцию инуитов как возможность проверить теории отношений между окружающей средой и культурой (Powell 2015). В межвоенный период Кнуд Расмуссен изучал интеллектуальную культуру инуитов, прослеживая их общую идентичность на большей части циркумполярного региона (Bown 2015). Другие антропологические интересы, характерные для этого региона, включали путешествия и картографирование инуитов, влияние контактов с европейцами на культуры коренных народов и их переход к современной экономике. Арктическая антропология также отразила более широкие течения в дисциплине: интерес к адаптации, к отношениям человека и окружающей среды коренных народов и к методам исследования, которые требуют погружения в жизнь сообщества посредством слушания и участия в мероприятиях. Регион стал местом для изучения и применения идей, разработанных в рамках культурной экологии, «этнонауки» и других областей антропологии, а также для разработки новых ролей, таких как роль «посредника» между государствами и коренным населением (Balicki, 1989; Wenzel, 1999).

К 1960-м гг. некоторые антропологи в Арктике начали изучать знания коренных народов на их собственных условиях. Значимой ранней работой была работа Ричарда Нельсона «Охотники северных льдов: исследование знаний и адаптации инуитов» (Nelson 1969). Элеанор Ликок также обратила внимание на знания коренных народов, отметив «изумительные знания» старейшин. Милтон Фримен изучал восприятие и знание окружающей среды инуитами, а также их использование этих знаний при принятии решений относительно поселения и охоты. В других исследованиях он продемонстрировал ценность знаний коренных народов как источника информации о видах, которая часто

превосходила ту, что предоставляла наука. Исследования знаний коренных народов Арктики получили распространение в 1970-х гг. Генри Льюис описал важность огня для стратегий адаптации коренных народов к бореальному лесу. Харви Фейт работал с индейцами племени «кри» Квебека, описывая их знания о популяциях диких животных и других экологических явлениях и помещая эти знания в их мировоззрение, в котором животные и другие аспекты природы рассматриваются как «подобные личности», причинно-следственная связь является личной, а успех охоты зависит от предыдущего поведения охотника. Исследования Джули Крукшанк историй женщин-атапасков продемонстрировали важность ландшафта и видов для их знаний; она также обнаружила в этих рассказах замечательную настойчивость и консерватизм, а также несоизмеримость с наукой, что выражается в вопросе «Слушают ли ледники?» Фикрет Беркес описал, как субарктические рыбаки полагаются как на знания, так и на сотрудничество, чтобы адаптироваться к непредсказуемым изменениям окружающей среды. В последующие десятилетия Беркес изучала многие аспекты знаний коренных народов и практики использования ресурсов в Канаде и других местах. Наконец, Хью Броди описал, как коренные культуры и социальные системы опирались на экологические знания для построения карт значений (Berkes, 1999; Bocking, 2011; Cruikshank, 2005). Поэтому эти антропологи придерживались различных стратегий: подчеркивая научную достоверность или несоизмеримость коренных знаний, их адаптивное значение или их утверждение этических отношений между людьми и другими видами.

Политическая история региона, включая переговоры по земельным претензиям, повлияла на исследования коренных знаний. Поскольку эффективная позиция на переговорах требовала установления того, что определенные земли давно заняты, возникла потребность в документировании землепользования и знаний коренных народов, опираясь на информацию, предоставленную охотниками, трапперами и другими землепользователями. Исследование землепользования и занятия земель инуитами, начатое в 1973 г. и руководимое Фрименом, использовало биографии карт и другие методы для документирования землепользования. Эти методы служили не столько для представления культурных измерений знаний, сколько для перевода их в формат, подходящий для переговоров с правительством. Поэтому они продемонстрировали сложность признания коренных знаний: оно объединяло технический процесс картирования, наделение людей полномочиями, чтобы они могли утверждать свою региональную власть, и их включение в все еще доминирующую систему территориальной власти (Bryan, 2011). Переговоры по земельным претензиям также предоставили антропологам возможности выстроить свою роль посредника между государством и арктическими народами. Эта роль была поддержана

изменениями в институциональном положении антропологии, включая ее возросшее изучение в университетах (что позволило добиться большей независимости от федеральной политики). Но пока антропологи преследовали эту роль, недоверие, укорененное в истории северного колониализма, а также желание напрямую говорить с обществом вызвали сопротивление среди арктических народов (Asch 2001). В более общем плане, меняющийся политический контекст исследований привел к тому, что антропологи больше не имеют возможности самостоятельно решать, где и как они будут проводить полевые работы; вместо этого исследовательские стратегии должны согласовываться на местном уровне и основываться на сотрудничестве. В целом, антропологические перспективы коренных знаний постоянно развивались в ответ как на более широкие дисциплинарные проблемы, так и на институциональные и политические условия, характерные для Арктики.

Эти факторы, формирующие работу антропологов, также были важны для ученых-экологов. Они также считали себя не просто арктическими учеными, но и представителями более крупных научных дисциплин. Эта космополитическая идентичность имела различные последствия для отношений с коренными знаниями. Ученые, стремящиеся развивать идеи, характерные для Арктики, в целом были более восприимчивы к коренным знаниям. Напротив, исследователи в рамках дисциплин, определенных за пределами региона, имели тенденцию быть менее восприимчивыми. Таким образом, хотя колониальный режим в Арктике (как и в других местах) опирался на универсализирующие дискурсы прогресса, современности и рациональности, он также был сформирован местными факторами и научными сообществами, которые имели особые взгляды на отношения между коренными народами и наукой. Короче говоря, этот режим, с точки зрения развивающегося статуса коренных знаний, был не монолитным, а раздробленным, неоднородным и открытым для разнообразных влияний как изнутри, так и извне научного сообщества. Сотрудничество между наукой и знанием коренных народов показало, как историческое неравенство между системами знаний может быть увековечено. Это было очевидно в институтах совместного управления: хотя они были призваны объединить эти системы знаний, на практике они также внедрили свой неравный авторитет, при этом знание коренных народов было обязано формулировать свои рекомендации в научных терминах (Nadasdy 2003).

Эмпирический опыт был значимым локальным фактором, формирующим взгляды арктических ученых на знания коренных народов. Например, в 1970-х гг. наблюдения коренных народов за карибу начали сравнивать с научными прогнозами. Результатом часто было снижение доверия к науке и увеличение доверия к знаниям коренных народов. Как только биологи начали узнавать от охотников, что, например, пожилые самцы играют

важную роль в защите стада от хищников, они стали более открытыми для принятия эмпирической обоснованности знаний коренных народов. В целом знания коренных народов стали для ученых все более значимым источником эмпирической информации (Ferguson et al., 1998; Freeman, 1992).

Другие исследователи Арктики также опирались на аспекты коренных знаний. Одним из примеров был эколог Уильям Пруитт. В своем исследовании он использовал термины инуитов для обозначения различных типов снега. Описывая их как «мудрейших наставников» в вопросах природы снега, он утверждал, что их термины позволяют гораздо более точное описание, чем это было возможно с английскими словами (Pruitt 1978). Исследователи белых медведей использовали коренные знания для описания поведения медведей, определения местоположения их логов и получения информации о поведении тюленей (Smith and Stirling 1975). Таким образом, ученые часто рассматривали коренные знания как источник знаний и наблюдений, недоступных в их собственных исследованиях. Они сделали это, сместив границу науки таким образом, чтобы включить коренные знания, даже исключив те аспекты, которые не способствовали бы их научным целям, таким как ее социальные, культурные и расовые измерения. Взгляды на «расу» и «белизну» были вовлечены в это смещение границы между наукой и коренными знаниями. Таким образом, признание учеными ценности коренных знаний не пришло просто через силу доказательств. Принятие заявлений о знаниях также потребовало поддерживающей структуры институтов и дисциплин, новых исследовательских практик, включая совместную полевую работу с участием ученых и инуитов, а также изменения в восприятии отношений между «белой» наукой и знаниями, которые связаны с расовой идентичностью.

История освоения ресурсов Арктики также иллюстрирует некоторые факторы, влияющие на восприятие коренных знаний. Большая часть документации коренных знаний в регионе была связана с развитием, включая земельные претензии и регулирующую деятельность, а также усилия по борьбе с местными опасностями. Таким образом, она продемонстрировала проблемные способы, с помощью которых коренные знания были собраны и переведены в формы, совместимые с современными перспективами. Некоторые отчеты признали нарушения, подразумеваемые при удалении знаний из их социального контекста, кодировании и овеществлении их как ТЕК и включении их в бюрократические подходы к принятию решений. Это было особенно очевидно в оценках воздействия на окружающую среду, с расхождениями во взглядах на эти оценки — как на научный или гражданский процесс — подразумевающие разные роли коренных знаний (O'Faircheallaigh 2007). Исследование трубопровода долины Маккензи Томаса Бергера 1974–1977 гг. подчеркнуло глубокий опыт и понимание коренных народов относительно своей родины в

сочетании с критическими взглядами на другие аспекты знания, включая роль ученых в отношении государственной политики и отношения между наукой и ценностями (Бергер, 1977). Таким образом, оно предоставило влиятельную демонстрацию того, как отношение к знанию коренных народов может быть интерпретировано в связи с другими взглядами на науку в ее социальных контекстах.

Политические изменения в Арктике побудили общины собирать собственные знания и тем самым отстаивать свои права на землю (McDonald et al. 1997). Эти исследования показали, что северные земли и воды остаются критически важными для коренных общин как основа как материального благополучия, так и культурной и социальной целостности. При этом они бросили вызов строго биологической перспективе возобновляемых ресурсов и воздействиям индустриализации (и сопутствующему ей отрицанию, в соответствии с установками «белизны», значения расовой и культурной идентичностей). Это также подразумевало изменение взглядов на саму Арктику: от «пустой» ресурсной границы или «нетронутой» дикой природы к родине, давно занятой людьми и населенной видами, которые имеют собственные намерения и социальные отношения. Эти изменения демонстрируют политическое значение местного контроля над документированием коренных знаний (Nuttall 2010). Таким образом, политика идентичности в Арктике часто обсуждалась с точки зрения знаний.

Сообщества также начали настаивать на том, чтобы их знания были включены в исследования, а ученые должны были продемонстрировать осведомленность о коренных знаниях, прежде чем получить разрешение на проведение исследований. Забота об исследовательской этике и отношениях в сообществе также создает новые модели исследований, которые способствуют местному самоопределению, передавая знания молодым поколениям и бросая вызов предположениям о том, кто имеет право определять окружающую среду Арктики. Истории сообществ основаны на местных воспоминаниях и устных историях, формируя альтернативную модель историографии и иллюстрируя, как изменение социальных и властных отношений имеет множество последствий для понимания коренных знаний (QTC 2014).

Наконец, Арктика представляет собой особые проблемы масштаба, которые стали очевидны в отношениях между знаниями коренных народов и глобальными науками о Земле и окружающей среде. Инуиты получили в конце 1950-х гг. присутствие в раннем понимании Холодной войны глобальной окружающей среды с обеспокоенностью относительно локальных последствий для здоровья радиоактивных осадков. К 1980-м гг. опасения по поводу загрязняющих веществ, которые перемещались на большие расстояния, сосредоточились на стойких органических загрязнителях. Исследования этих опасностей

изначально представляли инуитов как объекты исследования. Однако к 1990-м гг., на фоне меняющихся политических обстоятельств и исследовательских практик они утверждались на все большей роли в этих исследованиях: устанавливая приоритеты и опираясь на свои собственные знания об окружающей среде. Хотя глобальные модели, спутниковое дистанционное зондирование и исследования ледяных кернов сформировали знания об арктическом климате в терминах больших пространственных и временных масштабов, инуиты также получили роль в климатических исследованиях, предоставляя информацию о погоде, морском льде и других экологических особенностях в масштабах, более соответствующих деятельности человека (Huntington, 2011). Участие инуитов в циркумполярных экологических и политических делах через Циркумполярный совет инуитов, Стратегию по защите окружающей среды Арктики и Арктический совет дополнило их присутствие в исследованиях изменений окружающей среды. Они подчеркивали на этих форумах не только актуальность знаний коренных народов, но и то, что изменение климата – это не просто физическая трансформация, а моральная и этическая проблема, которую можно понять с точки зрения концепций инуитов, таких как «Сила (Sila)» (мировоззрение, которое охватывает погоду, климат, арктическую среду и их связь с идентичностью и образом жизни инуитов), а также концепций, понимаемых в универсальных терминах, включая права человека и экологическую справедливость (Krupnik and Jolly, 2002; Watt-Cloutier, 2015).

Однако научные перспективы Арктики и глобальных изменений окружающей среды также могут маргинализировать знания коренных народов. Это видно, например, в обсуждениях «открытия» Северного Ледовитого океана для разработки ресурсов, поскольку он теряет свой постоянный ледяной покров: перспектива, которая рискует вернуть регион к его колониальному образу как в противном случае необитаемого места, открытого для притязаний внешних интересов. Это также видно в продолжающейся тенденции представлять знания коренных народов об окружающей среде Арктики отдельно от доминирующего научного повествования о глобальной экологической трансформации. Как и в других областях глобальной экологической науки, эта маргинализация знаний коренных народов посредством «эпистемического доминирования» может представлять собой свою собственную форму «медленного насилия» (O'Lear, 2016). Продолжающаяся проблема включения знаний коренных народов в перспективы окружающей среды Арктики говорит о том, как на карту поставлены различные идеи о том, что считается знанием и историей» (https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-3-030-92679-3_20-1#Sec6).

В этом самом обширном разделе своей главы профессор Стивен Бокинг применяет выводы и принципы, полученные в предшествующих разделах, к истории коренных знаний

Арктики. Он последовательно рассказывает о соучастии канадских инуитов в формировании значимых для «белых» исследователей знаниях, когда соучастие инуитов либо вообще игнорировалось, либо упоминалось вскользь как незначительное. Одновременно автор раскрывает динамику постепенного изменения к коренным знаниям Арктики, которые были выработаны инуитами. Он подчеркивает, что признание их мудрости и большей точности используемых ими знаний происходило постепенно, с опытом ученых-полевиков, которые на собственном примере убеждались в правоте и точности знаний инуитов. Одновременно подчеркивается, что научные знания о канадской Арктике распространяются на большие пространства и большие временные промежутки, тогда как коренные знания инуитов были связаны с очень конкретными и практическими взаимоотношениями человека и природной среды «Здесь» и «Сейчас».

Стивен Бокинг высказывает опасение, что коренные знания Арктики будут и дальше маргинализироваться, превращаясь в разновидность «эпистемического доминирования» и «медленного насилия». Одновременно он понимает, что вопрос о признании полноты коренных знаний Арктики – это вопрос о статусе современной науки в ее противопоставленности коренным знаниям, включающим обязательные этические и экологические компоненты, причем всегда вписанные в конкретные повседневные практики природопользования инуитов и других коренных народов. Профессор Бокинг понимает, что с уходом от страхов, связанных с возможной ядерной угрозой времен Холодной войны, в целом снижается интерес к экологической проблематике канадской Арктики. Однако он полагает, что проблематика изменения климата вновь поднимает интерес к территориям Арктики, связанный с динамикой изменения окружающей среды. Подобно другим ученым, которые использовали лексику инуитов, как более тонкую и точную для описания природных феноменов, он указывает на слово «Сила», которым инуиты называют целостную систему мировоззрения о климате, погоде, природе, образе жизни инуитов, их родовой и территориальной идентичности. В это же понятие входят представления об экологической справедливости и правах коренного населения канадской Арктики.

Важным является и текст «заключения» данной главы авторства профессора Стивена Бокинга, поскольку в нем подводятся итоги и раскрываются перспективы дальнейшего развития темы коренных знаний Арктики. Рассмотрим текст «заключения более подробно».

«Историография коренных знаний параллельна их развивающимся ролям в современных экологических вопросах, где они утверждают интеллектуальный и моральный авторитет, но все еще демонстрируют последствия истории стирания. Этот неоднозначный

статус был подкреплён глубоко укоренившейся идеей науки как основы современности, устанавливающей термины, с помощью которых определяется сама рациональность. Эта историография также соответствует значимой теме в истории науки: отношениям между формами знания с контрастирующими методологическими, эпистемологическими и политическими последствиями, очевидными в попытках извлечь и объединить знания, а также утвердить границы среди развивающихся политических условий и оспариваемых расовых идентичностей. На протяжении всего времени коренные знания не были «открыты», а сконструированы, чаще всего в формах, совместимых с научным знанием (включая его овеществление в отличие от его социальных контекстов), но также, в коренных контекстах, способами, которые бросают вызов этим знаниям.

История восприятия коренных знаний имеет отношение к изучению других аспектов истории знаний о Земле и окружающей среде. Среди них — роль дисциплин и дисциплинарных границ в формировании научных взглядов (очевидно, что нет единого «научного» ума относительно коренных знаний); конкретных мест и регионов (что видно по отличительному значению коренных знаний в Арктике и в разнообразных масштабах и географиях природы, народов и знаний в целом); расовых идентичностей и их последствий для знаний; и отношений между знаниями и властью — очевидных в контекстах империй, международного развития и современности. Однако эта история также бросает вызов повестке дня истории науки. Как форма знания, неотделимая от вопросов идентичности и доступа к природе и народам и контроля над ними, она ставит под сомнение изучение истории знаний в отличие от ее контекстов, а также предположений о самой истории: ее доказательствах, исключениях и цели» (https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-3-030-92679-3_20-1#Sec7).

Таким образом, коренные знания Арктики отвечают на важнейший вызов современной науки, связанный с признанием значимости и даже приоритета иных форм знаний («ненаучных»), которые до сих пор отвергаются как суеверия коренных народов или их фантазия, которая не может быть подвергнута соответствующей верификации. Очевидно, что профессор Стивен Бокинг выступает на стороне канадских инуитов, полагая, что их «мудрость» — это не столько отвлеченные знания, сколько конкретные знаниевые принципы взаимоотношения людей друг с другом, с другими биологическими видами, когда в эти отношения изначально заложены этические и экологические смыслы. Коренные знания Арктики ставят вопрос о природе самой науки, о ее политической и исторически конкретной обусловленности, о ее перспективах. Одновременно история коренных знаний Арктики показана С. Бокингом в контексте постоянного наращивания доверия к этим знаниям со стороны правительственных и международных структур. Он уверен, что в

ближайшем будущем это доверие и уважение к коренным знаниям будет только нарастать. Профессор Бокинг предлагает исследовательскую программу, связанную с формированием гибридных знаний на границах современной науки и коренных знаний, однако эта граница динамична и взаимопроницаема. Тем самым будут изменяться как современные научные знания, так и коренные знания Арктики. Должна также измениться историография самой науки и ее понимание прагматизма.

Выводы

В современной России коренные знания Арктики имеют комплексное значение: 1) как знания арктических народов, которые с незапамятных времен освоили сложные в климатическом и ландшафтном отношении пространства; 2) как имеющие отношение к традиционным технологиям в области здравоохранения, образования, экологических и экономических практик, составляющих суть культурного наследия северных народов; 3) как неотъемлемый элемент культурного пространства народов России, 4) как форма природопользования, в которую изначально включены этические и экологические компоненты.

Данные обстоятельства делают актуальным для российской экономики и научно-технологического освоения Арктики коренные знания, прежде всего связанные с продовольственной безопасностью, здравоохранением, традиционным природопользованием. Аккумуляция этих знаний в новые формы с помощью современных информационно-аналитических систем позволит относиться к коренным знаниям не как к историческому реликту, музейному предмету, а как к новому стимулу научных исследований в их прикладных аспектах. Соглашаясь с профессором Стивеном Бокингом в том, что признание значительности коренных знаний Арктики связано с неизбежным ремоделированием истории арктической науки, нельзя не указать на то, что история российского освоения Арктики и Севера, государственная политика поддержки коренных малочисленных народов, созданная и реализованная в нашей стране, существенно отличаются от аналогичных форм в канадской Арктике.

Начиная с советского периода вхождения территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов в состав российского государства, не было потеряно ни одной этнокультурной группы арктических народов. Формы сохранения их культурного наследия, к которому относятся коренные знания, многочисленны. И задача российской науки состоит не в том, чтобы признать коренные знания равноправными другим научным знаниям, а в том, чтобы на их базе продолжать создавать эффективные и экологически чистые технологии, востребованные как

коренными сообществами, так и всеми остальными людьми, для которых они могут быть полезными.

Список литературы

Adams, William M. 2003. Nature and the colonial mind. In *Decolonizing nature: Strategies for conservation in a post-colonial era*, ed. William M. Adams and Martin Mulligan, 16–50. Abingdon: Earthscan.

Africa as a living laboratory: Empire, development, and the problem of scientific knowledge, 1870–1950. Chicago: University of Chicago Press, 2011.

Agrawal, Arun. 1995. Dismantling the divide between Indigenous and scientific knowledge. *Development and Change* 26: 413–439.

Anderson, David G. 2004. Reindeer, caribou and “fairy stories” of state power. In *Cultivating Arctic landscapes*, ed. David G. Anderson and Mark Nuttall, 1–16. New York/Oxford: Berghahn Books.

Anderson, Warwick, and V. Adams. 2008. Pramodya’s chickens: Postcolonial studies of technoscience. In *The handbook of science and technology studies*, ed. E. Hackett, 181–204. Cambridge, MA: MIT Press.

Anderson, Warwick. 2009. From conjugated knowledge to conjugated subjects: Science and globalization, or postcolonial studies of science? *Postcolonial Studies* 12 (4): 389–400.

Asch, Michael. 2001. Indigenous self-determination and applied anthropology in Canada: Finding a place to stand. *Anthropologica* 43: 201–220.

Balikci, A. 1989. Ethnography and theory in the Canadian Arctic. *Études/Inuit/Studies* 13 (2): 103–111.

Beattie, James, and Ruth A. Morgan. 2021. From history of science to history of knowledge? Themes and perspectives in colonial Australasia. *History Compass* 19: e12654. <https://doi.org/10.1111/hic3.12654>.

Benson, Etienne S. 2020. *Surroundings: A history of environments and environmentalisms*. Chicago: University of Chicago Press.

Berger, Thomas R. 1977. *Northern frontier, northern homeland: The report of the Mackenzie Valley Pipeline Inquiry*. Ottawa: Minister of Supply and Services.

Berkes, Fikret. 1999. *Sacred ecology: Traditional ecological knowledge and resource management*. Philadelphia: Taylor and Francis.

Bocking, Stephen, and Brad Martin, eds. 2017. *Ice blink: Navigating northern environmental history*. Calgary: University of Calgary Press.

Bocking, Stephen. 2011. Indigenous knowledge and the history of science, race, and colonial authority in northern Canada. In *Rethinking the great white north: Race, nature, and the historical geographies of whiteness in Canada*, ed. A. Baldwin, L. Cameron, and A. Kobayashi, 39–61. Vancouver: UBC Press.

Bown, Stephen R. 2015. *White eskimo: Knud Rasmussen's fearless journey into the heart of the Arctic*. Madeira Park: Douglas and McIntyre.

Brokensha, D., D. Warren, and O. Werner, eds. 1980. *Indigenous knowledge systems and development*. Washington, DC: University Press of America.

Brosius, J. Peter. 1997. Endangered Forest, endangered people: Environmentalist representations of Indigenous knowledge. *Human Ecology* 25 (1): 47–69.

Bryan, Joe. 2009. Where would we be without them? Knowledge, space and power in Indigenous politics. *Futures* 41: 24–32.

Cameron, Emilie, Sarah de Leeuw, and Caroline Desbiens. 2014. Indigeneity and ontology. *Cultural Geographies* 21 (1): 19–26.

Chambers, David Wade, and Richard Gillespie. 2001. Locality in the history of science: Colonial science, technoscience, and Indigenous knowledge. *Osiris* 15: 221–240.

Cooper, Alix. 2007. *Inventing the Indigenous: Local knowledge and natural history in early modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Cruikshank, Julia. 2005. *Do glaciers listen? Local knowledge, colonial encounters, and social imagination*. Vancouver: UBC Press.

Davis, Diana K. 2016. *The arid lands: History, power, knowledge*. Cambridge, MA: MIT Press.

Decolonising geographical knowledges. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 2017b, 42: 329–333.

Delbourgo, James. 2019. The knowing world: A new global history of science. *History of Science* 57 (3): 373–399.

Denevan, William M. 2011. The “pristine myth” revisited. *The Geographical Review* 101 (4): 576–591.

Dick, Lyle. 2001. *Muskox land: Ellesmere Island in the age of contact*. Calgary: University of Calgary Press.

Drayton, Richard. 2000. *Nature's government: Science, imperial Britain, and the improvement of the world*. New Haven: Yale University Press.

Dunaway, Finis. 2015. *Seeing green: The use and abuse of American environmental images*. Chicago: University of Chicago Press.

Escobar, Arturo. 1995. *Encountering development: The making and unmaking of the Third World*. Princeton: Princeton University Press.

Ethnocultural Space of Krasnoyarsk Krai: The Current State / K. V. Reznikova, N. N. Pimenova, A. V. Kistova [et al.] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2019. – Vol. 12, No. 8. – P. 1552-1567. – DOI 10.17516/1997-1370-0464. – EDN YZRDKO.

Ethno-Formative Mechanisms and Forms of Self-Awareness of Indigenous Peoples Under Conditions of External Civilization Pressure (by an Example of the Yakut Ethnic Group) / N. P. Koptseva, N. N. Pimenova, V. S. Luzan [et al.] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2012. – Vol. 5, No. 7. – P. 988-1004. – EDN PALYEZ.

Fairhead, James, and Melissa Leach. 1996. *Misreading the African landscape: Society and ecology in a forest-savanna mosaic*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ferguson, M., R. Williamson, and F. Messier. 1998. Inuit knowledge of long-term changes in a population of Arctic tundra caribou. *Arctic* 51 (3): 201–219.

Finding decolonial metaphors in postcolonial histories. *History and Theory*, 2020, 59 (3): 430–438.

Freeman, M. 1992. Ethnoscience, prevailing science, and Arctic co-operation. *Canadian Papers in Peace Studies* 3: 79–93.

Garner, S. 2007. *Whiteness: An introduction*. London: Routledge.

Gieryn, Thomas. 1999. *Cultural boundaries of science*. Chicago: University of Chicago Press.

Goldman, Mara, Paul Nadasdy, and Matthew Turner, eds. 2011. *Knowing nature: Conversations at the intersection of political ecology and science studies*. Chicago: University of Chicago Press.

Goss, Andrew, ed. 2021. *The Routledge handbook of science and empire*. London: Routledge.

Hayden, Cori. 2004. *When nature goes public: The making and unmaking of bioprospecting in Mexico*. Princeton: Princeton University Press.

Hodge, Joseph Morgan. 2007. *Triumph of the expert: Agrarian doctrines of development and the legacies of British colonialism*. Athens: Ohio University Press.

Huntington, Henry. 2011. The local perspective. *Nature* 478: 182–183.

Indigenous knowledge and the politics of classification. *International Social Science Journal* (2002), 54: 287–297.

Influence of Climatic Conditions on the Traditional Economy of Small-Numbered Indigenous Peoples of Taymyr Dolgano-Nenets Municipal District (the Krasnoyarsk Territory) /

Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, N. N. Pimenova, V. S. Luzan // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2017. – Vol. 10, No. 9. – P. 1282-1293. – DOI 10.17516/1997-1370-0136. – EDN ZEZFBJ.

Introduction. *Isis*, 2013, 104: 773–776.

Kistova, A. V., Pimenova, N.N. History and Specificity of Literary Activity of Indigenous Peoples // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2016. – Vol. 9, No. 9. – P. 1932-1944. – DOI 10.17516/1997-1370-2016-9-9-1932-1944. – EDN WWHUPN.

Kobayashi, A. 2003. The construction of geographical knowledge: Racialization, spatialization. In *Handbook of cultural geography*, ed. K. Anderson, M. Domosh, S. Pile, and N. Thrift, 544–556. London: Sage.

Kohler, Robert. 2011. History of field science: Trends and prospects. In *Knowing global environments: New historical perspectives on the field sciences*, ed. Jeremy Vetter, 212–240. New Brunswick: Rutgers University Press.

Kovach, Margaret. 2009. *Indigenous methodologies: Characteristics, conversations, and contexts*. Toronto: University of Toronto Press.

Krech, Shepard. 1999. *The ecological Indian*. New York: W. W. Norton.

Krupnik, Igor, and Dyanna Jolly, eds. 2002. *The earth is faster now: Indigenous observations of Arctic environmental change*. Fairbanks: Arctic Research Consortium of the United States.

Kulchyski, Peter, and Frank J. Tester. 2007. *Kiumajut (talking back): Game management and Inuit rights, 1900–70*. Vancouver: UBC Press.

Kull, Christian. 2000. Deforestation, erosion, and fire: Degradation myths in the environmental history of Madagascar. *Environment and History* 6: 423–450.

Latulippe, Nicole, and Nicole Klenk. 2020. Making room and moving over: Knowledge co-production, Indigenous knowledge sovereignty and the politics of global environmental change decision-making. *Current Opinion in Environmental Sustainability* 42: 7–14.

Liboiron, Max. 2021. *Pollution is colonialism*. Durham: Duke University Press.

Martin, Peter R. 2020. Indigenous tales of the Beaufort Sea: Arctic exploration and the circulation of geographical knowledge. *Journal of Historical Geography* 67: 24–35.

Mavhunga, Clapperton. 2018. *The mobile workshop: The tsetse fly and African knowledge production*. Cambridge, MA: MIT Press.

McCook, Stuart. 2011. Managing monocultures: Coffee, the coffee rust, and the science of working landscapes. In *Knowing global environments: New historical perspectives on the field sciences*, ed. Jeremy Vetter, 87–107. New Brunswick: Rutgers University Press.

McDonald, M., L. Arragutainaq, and Z. Novalinga. 1997. *Voices from the bay*. Ottawa/Sanikiluaq: Canadian Arctic Resources Committee/Environmental Committee of Municipality of Sanikiluaq.

Menon, Minakshi. 2022. Indigenous knowledges and colonial sciences in South Asia. *South Asian History and Culture* 13 (1): 1–18.

Munro, Paul. 2020. *Colonial seeds in African Soil: A critical history of forest conservation in Sierra Leone*. New York: Berghahn.

Nadasdy, Paul. 2003. *Hunters and Bureaucrats*. Vancouver: UBC Press.

Nelson, Mark. 2005. Paradigm shifts in aboriginal cultures? Understanding TEK in historical and cultural context. *Canadian Journal of Native Studies* 25: 289–310.

Nelson, Richard. 1969. *Hunters of the northern ice*. Chicago: University of Chicago Press.

Neumann, Roderick. 1998. *Imposing wilderness: Struggles over livelihood and nature preservation in Africa*. Berkeley: University of California Press.

Nixon, Rob. 2011. *Slow violence and the environmentalism of the poor*. Cambridge: Harvard University Press.

Nuttall, Mark. 2010. Epistemological conflicts and cooperation in the circumpolar north. In *Globalization and the circumpolar north*, ed. Lassi Heininen and Chris Southcott, 149–178. Fairbanks: University of Alaska Press.

O'Brien, William, E. 2002. The nature of shifting cultivation: Stories of harmony, degradation, and redemption. *Human Ecology* 30 (4): 483–502.

O'Faircheallaigh, Ciaran. 2007. Environmental agreements, EIA follow-up and aboriginal participation in environmental management: The Canadian experience. *Environmental Impact Assessment Review* 27: 319–342.

O'Lear, Shannon. 2016. Climate science and slow violence: A view from political geography and STS on mobilizing technoscientific ontologies of climate change. *Political Geography* 52: 4–13.

Oba, Gufa. 2020. *African environmental crisis: A history of science for development*. New York: Routledge.

Orr, Yancey, J. Stephen Lansing, and Michael R. Dove. 2015. Environmental anthropology: Systemic perspectives. *Annual Review of Anthropology* 44: 153–168.

Osseo-Asare, Abena Dove. 2013. *Bitter roots: The search for healing plants in Africa*. Chicago: University of Chicago Press.

Parreñas, Juno Salazar. 2020. From colonial Indigenous knowledges to vernacular ideas in southeast Asia. *History and Theory* 59 (3): 413–420.

Powell, Richard. 2015. The study of geography? Franz Boas and his canonical returns. *Journal of Historical Geography* 49: 21–30.

Proctor, Robert N., and Londa Schiebinger, eds. 2008. *Agnotology: The making and unmaking of ignorance*. Stanford: Stanford University Press.

Prospecting for drugs: European naturalists in the West Indies. In *The postcolonial science and technology studies reader*, ed. Sandra Harding, 2011, 110–126. Durham: Duke University Press.

Pruitt, W. 1978. *Boreal ecology*. London: Edward Arnold.

Pualani Louis, Renee. 2007. Can you hear us now? Voices from the margin: Using Indigenous methodologies in geographic research. *Geographical Research* 45 (2): 130–139.

Qikiqtani Truth Commission. 2014. *Community histories 1950–1975: Iqaluit*. Iqaluit: Inhabit Media.

Radcliffe, Sarah A. 2017. Geography and indigeneity I: Indigeneity, coloniality and knowledge. *Progress in Human Geography* 41 (2): 220–229.

Raffles, Hugh, and Antoinette M.G.A. Winkler Prins. 2003. Further reflections on Amazonian environmental history. *Latin American Research Review* 38 (3): 165–187.

Remembering the spread of western science. *Historical Records of Australian Science*, 2018, 29: 73–81.

Reznikova, K. V., N. N. Seredkina, Yu. S. Zamaraeva. Perspective Formats for the Development of Decorative and Applied Art of the Indigenous Peoples of the Krasnoyarsk Territory // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2017. – Vol. 10, No. 10. – P. 1573-1593. – DOI 10.17516/1997-1370-0155. – EDN ZRBRGD.

Rosier, Paul C. 2013. “Modern America desperately needs to listen”: The emerging Indian in an age of environmental crisis. *Journal of American History* 100 (3): 711–735.

Rudwick, Martin J.S. 1985. *The great Devonian controversy: The shaping of scientific knowledge among gentlemanly specialists*. Chicago: University of Chicago Press.

Sandlos, John. 2007. *Hunters at the margin: Native people and wildlife conservation in the Northwest Territories*. Vancouver: UBC Press.

Schiebinger, Londa. 2008. West Indian abortifacients and the making of ignorance. In *Agnotology: The making and unmaking of ignorance*, ed. Robert N. Proctor and Londa Schiebinger, 149–162. Stanford: Stanford University Press.

Scott, James. 1998. *Seeing like a state*. New Haven: Yale University Press.

Semyonova, A. A., Bralkova, A.V. Visualization of the Concept of "the North" in Fine Arts // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2011. – Vol. 4, No. 4. – P. 476-491. – EDN NEULHT.

Seredkina, N. N. Revisiting Methodological Principles of Cultural-Semiotic Approach in Studying Art of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2014. – Vol. 7, No. 8. – P. 1342-1357. – EDN SJUABV.

Sillitoe, P. 1998. The development of Indigenous knowledge: A new applied anthropology. *Current Anthropology* 39 (2): 223–252.

Sim, Timothy. 2021. What should decolonization mean for history of science? <https://www.hps.cam.ac.uk/files/decolonise-sim.pdf>. Accessed 8 June 2022.

Sitnikova, A. A. The Concept of "North" in the Works by Rockwell Kent / A. A. Sitnikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2014. – Vol. 7, No. 8. – P. 1358-1380. – EDN SJUACF.

Smith, Linda Tuhiwai. 2021. Decolonizing methodologies: Research and Indigenous peoples.

Smith, Thomas G., and Ian Stirling. 1975. The breeding habitat of the ringed seal (*Phoca hispida*). The birth lair and associated structures. *Canadian Journal of Zoology* 53: 1297–1305.

Smithers, Gregory D. 2015. Beyond the “ecological Indian”: Environmental politics and traditional ecological knowledge in modern North America. *Environmental History* 20: 83–111.

TallBear, Kim. 2013. Native American DNA: Tribal belonging and the false promise of genetic science. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Tilley, Helen. 2010. Global histories, vernacular science, and African genealogies; Or, is the history of science ready for the world? *Isis* 101: 110–119.

Transcending the debate over the ecologically noble Indian: Indigenous peoples and environmentalism. *Ethnohistory*, 2005, 52 (2): 291–331.

Tuck, Eve, and K. Wayne Yang. 2012. Decolonization is not a metaphor. *Decolonization: Indigeneity, Education & Society* 1 (1): 1–40.

Usher, Peter J. 2004. Caribou crisis or administrative crisis? Wildlife and aboriginal policies on the barren grounds of Canada, 1947–60. In *Cultivating Arctic landscapes*, ed. D. Anderson and M. Nuttall, 172–199. New York: Berghahn Books.

Vetter, Jeremy. 2011. Introduction. In *Knowing global environments: New historical perspectives on the field sciences*, ed. Jeremy Vetter, 1–16. New Brunswick: Rutgers University Press.

Walking the line: Participatory mapping, Indigenous rights, and neoliberalism, 2011. *Geoforum* 42: 40–50.

Watt-Cloutier, Sheila. 2015. *The right to be cold*. Toronto: Penguin.

Wenzel, George. 1999. Traditional ecological knowledge and Inuit reflections of TEK research and ethics. *Arctic* 52 (2): 113–124.

White, Richard. 1991. *The middle ground: Indians, empires and republics in the Great Lakes region, 1650–1815*. New York: Cambridge University Press.

Whyte, Kyle. 2017. Indigenous climate change studies: Indigenizing futures, decolonizing the Anthropocene. *English Language Notes* 55 (1–2): 153–162.

Yusoff, Kathryn. 2018. *A billion black anthropocenes or none*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Авдеева, Ю. Н., Либакова, Н.М. Международные практики социокультурного проектирования по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока // *Социодинамика*. – 2015. – № 10. – С. 10-38. – DOI 10.7256/2409-7144.2015.10.16430. – EDN UIPUVP.

Букова, М. И. Особенности этнокультурного самосознания этнической группы чулымцев, компактно проживающих на территории деревни Пасечное Тюхтетского района // *Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Красноярск, 30 ноября – 02 декабря 2015 года*. – Красноярск, 2016. – С. 349-352. – EDN ZFYWBR.

Букова, М. И. Северовед и антрополог Владимир Германович Тан-Богораз: "всероссийский художественный репортер" // *Сибирский антропологический журнал*. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 35-42. – EDN ZCUFYN.

Глушенкова, О. А. Репрезентация советского опыта национальной интеграции чукчей в работах Н. Е. Шундика // *Под знаменем марксизма*. – 2025. – Т. 1, № 1. – С. 22-32. – EDN QVJBIO.

Головнёв А. В., Албогачиева М. С-Г., Белоруссова С. Ю., Беляева-Сачук В. А., Киссер Т. С., Перевалова Е. В. *Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции*. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 200 с.

Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. *Виртуальная этничность и киберэтнография*. СПб: МАЭ РАН, 2021. 280 с.

Дегтяренко, К. А. Актуальное состояние коренных малочисленных народов Севера // *Социодинамика*. – 2015. – № 10. – С. 39-57. – DOI 10.7256/2409-7144.2015.10.16435. – EDN UIPUVZ.

Дегтяренко, К. А. *Культурная память и конструирование этнокультурной идентичности коренных народов: концептуальные основания исследования* / К. А.

Дегтяренко // Социальная антропология Сибири. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 31-37. – EDN QTLIEM.

Дегтяренко, К. А. Специфика информационного образа коренных малочисленных народов Енисейской Сибири // IV Роббековские чтения : Сборник материалов международной научно-практической конференции, Якутск, 23–24 марта 2022 года / Редколлегия: А.А. Петров, С.И. Шарина, А.А. Винокурова. – Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2022. – С. 341-343. – EDN XTVGNZ.

Дегтяренко, К. А., Ермаков, Т.К. Анализ этнологических особенностей традиционных видов хозяйственной деятельности в мире, в Российской Федерации // Северные Архивы и Экспедиции. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 150-162. – DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-3-150-162. – EDN RABTNG.

Ермаков, Т. К. Правовое регулирование традиционной экономики коренных малочисленных народов Севера // Северные Архивы и Экспедиции. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 9-19. – EDN BXDMGH.

Значение научной деятельности М.К. Сидорова (1823-1887) для освоения северных территорий Российской империи / Н. П. Копцева, К. А. Дегтяренко, М. А. Колесник, Т. К. Ермаков // Былые годы. – 2024. – № 19(3). – С. 1189-1199. – DOI 10.13187/bg.2024.3.1189. – EDN LKTQGA.

Копцева, М. С. Обзор научных исследований в некоторых областях биологической антропологии в 2014-2019 гг. // Сибирский антропологический журнал. – 2019. – Т. 3, № 2. – С. 23-37. – DOI 10.31804/2542-1816-2019-3-2-23-37. – EDN ZMCSTP.

Копцева, Н. П. К вопросу о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском федеральном округе // ВВ: Проблемы общества и политики. – 2013. – № 12. – С. 1-16. – EDN RWWYQX.

Копцева, Н. П. Концепция эффективной интеграции систем знаний коренных народов и «современных» систем знаний (С. Диттох) // Цифровизация. – 2025. – Т. 6, № 2. – С. 8-32. – EDN BAVCSA.

Копцева, Н. П., Неволько, Н.П, Визуализация этнических традиций в живописных и графических произведениях искусства хакасских мастеров // Искусство и образование. – 2012. – № 1(75). – С. 27. – EDN ORNFCN.

Копцева, Н. П., Сергеева, Н.А., Ермаков, Т.К. Современные способы этнической самоидентификации на материале анализа эвенкийской этнокультурной группы // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в

XX-XXI веках: опыт и перспективы, Красноярск, 30 ноября – 02 декабря 2017 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – С. 195-198. – EDN XVMIQX.

Копцева, Н. П., Шпак, А.А. Цифровые гуманитарные науки и культурное наследие в средах с поддержкой искусственного интеллекта и информационных технологий: концепция С. Бретнах и Т. Маргария // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 4. – С. 8-19. – EDN DLPIFG.

Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций: на материале Красноярского края / Н. П. Копцева, А. Е. Амосов, Н. А. Бахова [и др.]. Том 1. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. – 639 с. – EDN RWBFZ.

Кривоногов, В. П. Нганасаны: этнические процессы (на материале экспедиций 1994-2024 гг.) // Сибирский антропологический журнал. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 17-29. – EDN RHCEVO.

Кулиш, А. С. Ыўтаптымпа – сновидения как форма коммуникации северных селькупов с иным миром // Северные Архивы и Экспедиции. – 2025a. – Т. 9, № 2. – С. 17-26. – EDN KNCDDI.

Кулиш, А. С. Тасу'хаби" – тазовские ханты: к вопросу о межкультурных связях ваховских хантов и тазовских селькупов // Северные Архивы и Экспедиции. – 2025b. – Т. 9, № 1. – С. 48-57. – EDN JKAZFO.

Либакова, Н. М., Сертакова, Е.А. Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов // Сибирский антропологический журнал. – 2017. – Т. 1, № 3. – С. 6-22. – EDN ZULYJP.

Либакова, Н. М., Сертакова, Е.А. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования // Северные Архивы и Экспедиции. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 6-29. – EDN OSAXXV.

Межэтнические отношения в Туруханском крае в XVIII-XIX вв. / Е. А. Сертакова, Ю. С. Замаева, А. А. Омелик, М. С. Копцева // Былые годы. – 2024. – № 19(3). – С. 1052-1062. – DOI 10.13187/bg.2024.3.1052. – EDN RMPXYR.

Менжуренко, Ю. Н., Шпак, А.А., Дегтяренко, К.А. Фольклор кетов: история изучения, корпус текстов, этнокультурные и языковые особенности // Северные Архивы и Экспедиции. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 185-195. – DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-3-185-195. – EDN BHSPYY.

Национальная политика СССР по отношению к коренным малочисленным народам Севера в Эвенкийском и Таймырском национальных округах Красноярского края в 1920-1970 годы / Н. П. Копцева, К. А. Дегтяренко, Ю. С. Замаева [и др.]. – Красноярск:

Красноярская региональная общественная организация "Содружество просветителей Красноярья", 2022. – 548 с. – EDN RLJOCS.

Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, Ю. С. Замараева [и др.]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 196 с. – (Путь в будущее. XXI век. Сибирь глазами ученых).– EDN GPRDXS.

Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / Н. П. Копцева, А. Е. Амосов, М. И. Ильбейкина [et al.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – 246 р. –EDN VSAJRK.

Образование и здравоохранение как практики строительства нации (по материалам Эвенкийского архива) / Н. Н. Середкина, К. В. Резникова, Ю. Н. Менжуренко, Н. А. Сергеева // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 10. – С. 1480-1491. – DOI 10.17516/1997-1370-0914. – EDN VXLTF.

Принципы советской национальной политики 1920-1970 гг. по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, компактно проживающим на территории Эвенкийского национального (автономного) округа / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Д. С. Пчелкина [и др.] // Северные Архивы и Экспедиции. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 8-25. – DOI 10.31806/2542-1158-2021-5-3-8-25. – EDN SKNBEZ.

Пчелкина, Д. С., Дегтяренко К.А. Северные народы Российской империи в региональной прессе конца XIX века // Былые годы. – 2021. – № 16(4). – С. 1955-1963. – DOI 10.13187/bg.2021.4.1955. – EDN PCHZFN.

Пчелкина, Д. С., Зотов, С.О., Семенова, А.А. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Енисейской Сибири (на материале этнокультурной группы шорцев Аскизского района Республики Хакасия // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы : Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25–27 ноября 2021 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – С. 191-206. – EDN FOUKSK.

Религиозные воззрения коренных народов Таймыра / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова, А. А. Ситникова [и др.] // Северные Архивы и Экспедиции. – 2019. – Т. 3, № 3. – С. 48-62. – DOI 10.31806/2542-1158-2019-3-3-48-62. – EDN KZKRZI.

Ситникова, А. А. Демография и миграция в поселках коренных малочисленных народов Красноярского края (поселки Пасечное, Ессей, Суринда, Фарково, Носок, Караул) // Современные проблемы науки и образования. – 2015а. – № 1-1. – С. 1881. – EDN VIFGDV.

Ситникова, А. А. Коренное образование: актуальное состояние и проблемы // Педагогика и просвещение. – 2015b. – № 3. – С. 300-311. – DOI 10.7256/2306-434X.2015.3.17048. – EDN VDGAOF.

Специфика религиозного сознания кетов и селькупов в контексте культурного и исторического развития / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева [и др.] // Северные Архивы и Экспедиции. – 2019. – Т. 3, № 3. – С. 63-80. – DOI 10.31806/2542-1158-2019-3-3-63-80. – EDN LHLCAA.

Степанова, О. Б. О «последнем селькупском шамане» Гавриле Мандакове: поскриптус // Сибирский антропологический журнал. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 85-93. – EDN DWZUEN.

Степанова, О. Б. Способ совхозного оленеводства у селькупов в фокусе интервью с бывшим пастухом стада №3 красноселькупского совхоза «Полярный» // Северные Архивы и Экспедиции. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 27-36. – EDN GFMXHD.

Стратегические подходы к развитию Арктики и поддержке коренных малочисленных народов севера (на материале Красноярского края) / А. Г. Цыкалов, А. Н. Пилясов, Н. П. Копцева [и др.]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 196 с. – EDN XQUWZU.

Широбоков, А. С., Письменская, Е.И. Развитие правового регулирования судебной защиты экологических прав // Сибирский антропологический журнал. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 72-79. – EDN AJOOFS.

Шпак, А. А. Фигура антагониста в эвенкийском эпосе // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2024. – Т. 3, № 2. – С. 70-85. – DOI 10.31804/2782-4926-2024-70-85. – EDN HPGOTK.

Шпак, А. А., Замараева Ю.С., Копцева Н.П. Сложные формы идентичности: проблемы и исследования. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. – 248 с. – EDN RSHYFZ.

Шпак, А. А., Кирко, В.И. Коренные сообщества и способы ликвидации цифрового неравенства: концепция Анны бон, Фрэнсиса Саа-Дитто и Ганса Акерманса // Социология искусственного интеллекта. – 2025. – Т. 6, № 2. – С. 25-48. – EDN XOQZTT.

Шпак, А.А., Кирко, В.И. Динамика социально-технических и социально-экологических систем в концепции Дэвида Инга // Социология искусственного интеллекта. – 2024. – Т. 5, № 2. – С. 24-58. – EDN SKRTSZ.